

ДМИТРИЙ ЗУРКОВ
ИГОРЬ ЧЕРЕПНЕВ

БОЛЬШАЯ
ОХОТА

Annotation

Великое отступление Российской армии весной одна тысяча девятьсот пятнадцатого года интеллигенты-либералы, палец о палец не стукнувшие для победы, пренебрежительно окрестили Великим драпом. Нет винтовок, нет патронов, нет снарядов, командиры батарей дают подписки о том, что их орудия не сделают больше десятка выстрелов в сутки. Частные заводчики, пользуясь моментом, взвинчивают цены на боеприпасы вдвое-втрое, союзники тормозят и срывают поставки.

Кто-то сдается в плен, поверив агитаторам, что там будет лучше, кто-то действительно драпает, кто-то срывается в самоубийственные штыковые атаки, чтобы хоть как-то задержать превосходящего противника. А кое-кто, имея под рукой неполную роту, уйдет в германский тыл, поработать ручным тормозом — и станет камушком в сапоге для хваленых кайзеровских солдат!

Дмитрий Аркадьевич Зурков

Игорь Аркадьевич Черепнев

Большая охота

© Дмитрий Зурков, 2017

© Игорь Черепнев, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

В Ново-Георгиевск прибыли в полдень, и то благодаря тому, что шофер из санитарного отряда знал короткий путь, который тянулся между хуторами, фольварками и деревнями. По его словам, все основные дороги были забиты беженцами, добровольными и вынужденными. Снова поднималась волна шпиономании, на этот раз обращенная против местных евреев. Хотя, на мой взгляд, командование во главе с великим князем Николаем Николаевичем пыталось в очередной раз найти виноватого в проигрыше кампании. Недаром в офицерской среде у Ник Ника прозвище «Лукавый». И командующий фронтом до недавнего времени был соответствующий — генерал Рузский. Один другого стоили. Два придурка с манией величия и генеральскими погонами.

Я, конечно, далеко не стратег, «императорских академиев не кончал», но после того, как положили полсотни тысяч солдат в наступлении, отдать приказ вернуться на исходные?!. Или операции лучше готовьте, или вообще освободите места для более грамотных. Хотя последнее время стал сомневаться, что подобные феноменальные индивидуумы могут существовать в среде российского генералитета. И тогда, и сейчас... Так, подъезжаем. Вот уже и мост через Вислу, скоро будем в крепости...

Ага, скоро!.. Около часа приходится стоять и ждать, пока до нас дойдет очередь. Один унтер-офицер из жандармской крепостной команды проверяет документы, второй досматривает машину на предмет, а не везем ли мы чего-нибудь интересного и запрещенного. Закончив формальности, нас пропускают внутрь. А там бардак еще тот! Толчея, как на базаре. Все какими-то делами заняты, куда-то бегут, что-то круглое тащат, квадратное катят. На плацу две роты занимаются повышением боевого духа посредством строевой подготовки, шестерка лошадей, надрываясь, пытается подтащить к каземату какую-то пушку «времен очаковских и покоренья Крыма». В общем, типичный армейский бардак и людской муравейник в одном флаконе, в смысле крепости.

Оставляю водителя с машиной недалеко от ворот, иду в штаб, ориентируясь для поиска по куполам Новогеоргиевского крепостного храма. Наверное, гансы их тоже хорошо будут видеть и даже смогут по ним пристреляться. Хотя, зная германскую разведку, не удивлюсь, если у них уже лежат в сейфах подробные планы крепости. Правая рука быстро устает от частого отдавания чести. Ох, хреново быть подпоручиком!.. До интересующего меня заведения дохожу минут через двадцать, предъявляю документы дежурному, после чего он посылает меня в нужном направлении — в строевую часть и к оружейникам. В первой инстанции вопрос решается довольно быстро, во второй, из уважения к бумаге из штаба фронта, даже дают сопровождающего — молодого прапорщика. Наверное, его благородие только-только из школы выпустился, совсем, на первый взгляд, зеленый еще. Что, однако, не помешало ему устроиться в тепленьком местечке. И, скорее всего, этому поспособствовали деловые качества, принесенные с «гражданки». Я ему понравился, точнее, не сам, а кобура с люгером, висевшая на поясе. Пока шли к машине, всерьез опасался, что человек косоглазие заработает. Хотя, правду сказать, мне этот тип пистолета тоже очень симпатичен.

На складе нужное находим довольно быстро, и, пока невесть откуда взятые «грузчики» заполняют кузов разными полезностями, мы отходим в сторонку, дабы не мешать процессу. Тем более что кто-то на кого-то уже орёт:

— Черт косорукий! Ходи аккуратней, морда деревенская! Тут вона ящики с

пироксилином стоят! Осторожней надоть, чтобы раньше времени на небеса не вознестись!

Опаньки, слово-то какое красивое — «пи-ро-кси-лин»! А ведь нам его тоже надо. И побольше, побольше! Надо поинтересоваться!

— Послушайте, господин прапорщик, а что там в ящиках? — отрываю сопровождающего от просверливания кобуры завистливым взглядом.

— Пироксилиновые шашки.

— А не позволите ли взглянуть?

— Господин подпоручик, прошу подтвердить отсутствие у вас спичек, зажигалки, иначе не имею права допустить к ящикам. У меня тут служебный кабинет имеется, пройдемте туда.

В маленькой каморке, гордо именуемой «кабинетом», прапорщик оживляется, видя мой интерес:

— Интересуетесь? Могу предложить... Если договоримся.

— И насчет чего будем договариваться?

— Ну как же, насчет шашечек пироксилиновых. И всего к ним прилагающегося.

— А как же сопроводительные бумаги?

— Не беспокойтесь, будут в лучшем виде! Комар носу не подточит.

Вот так вот! Вопрос решается очень просто, как во все времена: ты — мне, я — тебе. Ну, ладно, твое счастье, крысёныш, что мне взрывчатка нужна.

— И что вы за это желаете получить?

— Да уж очень у вас пистолетик красивый...

А мы сначала пойдем, посмотрим... Ящики как ящики. Обычные деревянные, на одних маркировка «ШР», на других — «ШЗ». Открываю один, там ровными рядами лежат завернутые в вощеную бумагу небольшие шашки в виде шестигранных призм. В другом — такие же, но с отверстиями для детонаторов.

Через несколько минут я становлюсь беднее на один трофейный люгер, зато богаче на два ящика пироксилиновых шашек, три пенала с взрывателями и моток огнепроводного шнура. В качестве бонуса бойкий юноша приносит вместе с накладными пустую кобуру от нагана, чтобы я не нарушал уставной вид. И в ответ на предостережение о штрафных санкциях заверяет, что никто еще не жаловался. То ли не надеется меня больше увидеть в живых, то ли качество действительно хорошее. После чего мы тепло прощаемся с героем тыловых баталлий в расчете на дальнейшее взаимовыгодное сотрудничество и едем знакомиться с пополнением.

Погранцы размещались в отдельной казарме, которую мы находим, немного поплутав по цитадели. Меня возле входа уже встречает невысокий светловолосый веснушчатый крепыш лет тридцати пяти с Георгиевской медалью на груди, отрапортовывавшийся ротным фельдфебелем Остапцом, временно исполняющим должность сотника. Видавшая виды, но опрятная, тщательно подогнанная форма, начищенные сапоги — полная ассоциация с образцово-показательным старшиной из будущего. Выражение лица тоже уставное — никаких эмоций, только в глазах прописано любопытство, типа, а с чем к нам пожаловали? Представляюсь ему, рассказываю, зачем приехал, и показываю бумагу с приказом. Информация воспринимается адекватно, единственный вопрос, который возникает: «Построение командовать?»

Киваю в ответ, и через несколько минут перед казармой замирают шеренги. Погранцы стоят, не шелохнувшись, по стойке «Смирно». Карие, серые, черные, даже голубые глаза

смотрят на меня. Шестьдесят две пары глаз. Остальные еще не сменились. Смотрят с любопытством, настороженно, с напускным безразличием, призванным спрятать волнение, и даже насмешливо. У двоих, даже не пытающихся скрыть усмешку, медали «За храбрость». Ну, хохотать мы будем после двух-трех дней обучения. По полной программе. Вот тогда и посмотрим, куда денется эта насмешливость. Хотя народ по виду бывалый, новобранцев не видно. Так, это все — лирика, надо делом заниматься. Здравуюсь со строем, получаю в ответ стандартное: «Здравия желаем, вашбродь!»

— Я — подпоручик Гуров Денис Анатольевич, ваш новый командир. С сегодняшнего дня ваша сотня переподчиняется штабу второй армии. Завтра утром выступаем пешим порядком на новое место дислокации, в сорока верстах отсюда. За оставшееся время всем подготовиться к походу. Вопросы есть?

Сейчас посмотрим, кто тут самый смелый с вопросами вылезет. О, появился! Высокий и немного нескладный чернявый пограничник поднимает руку.

— Дозвольте обратиться, вашбродь! А мы там опять кого-нибудь стеречь и охранять будем, как жандармы какие? Или все же германца воевать пойдем?

Сквозь одобрительный гул голосов в строю слышу почти змеиный шепот Остапца:

— Пилютин, сгною под ружьем!

— Чем вы будете заниматься, я расскажу... и покажу на новом месте. Так что умерьте свое любопытство. Про Варвару на базаре помните присказку? Вот и берегите свои носы, они вам еще пригодятся. А насчет германцев — повидаете их достаточно. А то, как бы и много не оказалось. Еще вопросы есть?.. Нет? Фельдфебель, распускай строй.

Когда озадаченные бойцы разошлись готовиться к предстоящему маршу, подзываю Остапца, чтобы проверить имущество сотни и просто познакомиться поближе.

— Так, фельдфебель, скажи-ка мне, как тебя величать. А то я об твое звание язык сломаю скоро.

— Дмитрием, вашбродь.

— А по батюшке? — Ого, бровки-то взлетели удивленно. Ничего, то ли еще будет. Чуйка внутри подсказывает, что отношения с ним будут не хуже, чем с Михалычем.

— Ивановичем... Вашбродь, а это зачем?

— А затем, что начинай привыкать к новым для тебя порядкам. У меня в подчинении два десятка казаков, среди них — вахмистр и несколько приказных. Так я их зову по именам, а они меня — командиром. Это — если рядом нет чужих. Для тебя и унтеров будет то же правило. Уяснил, Дмитрий Иванович? — Да, надо дать время человеку оклематься. Ждем-с.

— Так это... не по Уставу, вашбродь!.. Не положено ведь...

— А сокращать «ваше благородие» до «вашбродь» по Уставу?.. Нет?.. Тогда — не спорь с командиром. Сейчас всего не скажу, прибудем в наше расположение, многое станет ясней. Теперь давай к делу. Вопрос первый: сколько оружия в сотне и какое?

— В наличии десятков винтовок Бердана и три карабина Нагана...

— Что за карабины такие? Ну-ка, пойдем, покажешь.

Да, действительно, карабин. Револьвер Нагана, но с очень длинным стволом и отъемными деревянными цевьем и прикладом. Принцип тот же, что и у артиллерийского люгера. Со слов фельдфебеля, эти шедевры выпускались специально для пограничной стражи. Выданы были унтер-офицерам и благополучно пережили перевооружение сотни в крепости на берданки. Последних выдали на всех аж целых десять штук, мотивируя тем, что для одного состава сторожевого наряда больше и не надо. В очередной раз матерно, правда

— в уме, поражаюсь соображалке высокого начальства. Гансы придут, а тут почти на сотню человек целый ДЕСЯТОК устаревших винтовок! Обхохотаться, бл... Так, ладно, эмоции — в сторону. С оружием разобрались.

— Дмитрий Иванович, вопрос следующий. Давай-ка, зови своих взводных и фельдшера, если таковой имеется, и будем разбираться по завтрашнему путешествию...

Унтер-офицеры появились почти сразу после исчезновения посыльного. Два добрых молодца почти одновременно подошли и представились. Почти точная копия Остапца, только без веснушек и помоложе, лет двадцати пяти. Зовут Михаилом Черновым. Второй — Борис Сомов, худощавый шатен, по правой щеке от уха до середины челюсти тянется тонкая ниточка шрама, скорее всего — от холодняка. Через пару минут появляется и местный «Айболит» — фельдшер Игнат Тимофеевич Ковалевский, сорокалетний «дядька» с пышными запорожскими усами.

Рассказываю им о новом «неуставном» порядке обращения, вижу еще три пары удивленных глаз и после этого перехожу к интересующему вопросу.

— Значит так, кто из стражников не сможет завтра топать пешком? Больные, там, хромые, у кого сапоги каши просят?

— Больных — три человека, — первым докладывает Игнат Тимофеевич. — Один животом мается, двое хромых. У обоих — вывихи. Так-то ходят, но дальнюю дорогу не сдюжат.

— Добро, их завтра — в кузов. Дмитрий Иванович, выдашь им берданки и полный запас патронов. Ценный груз охранять в дороге будут. Да, — обращаюсь к унтерам, — один из вас с ними старшим поедет. Кто — решайте сами. По обмундированию — все в порядке, или есть вопросы?

— Никак нет, вашбродь, у меня, в первом взводе, все в порядке, — отвечает Чернов. — Мы — пешие стражники, нам не привыкать на своих двоих топать.

— Мой второй взвод тоже не под лавкой найден. — Это уже Сомов, второй «замок»... Так, а, похоже, тут есть нездоровая конкуренция. Надо это запомнить на будущее.

— Так кто из вас завтра едет? Или мне назначить? — В ответ — тишина. Тогда снова свергаем присутствующих в ступор. — Иванович, скажи мне число от одного до десяти.

— ...Семь...

Простейшая детская считалочка выбирает Михаила «пассажиром», чему он совсем не рад.

— Вашбродь! А может, я — со своими?..

— Нет, командир сказал: хорек, значит — никаких сусликов! — После этой загадочной фразы переходим к вопросу продовольствия, потом — к следующему... И так — до самого вечера. Ужинать нас с водилой приглашают к общему столу, и дабы не показаться нахлебниками, выставаем на стол пару запасенных в дорогу банок тушенки и кулечек рафинада.

За чаем в компании Остапца и унтеров хочу в неформальной обстановке поинтересоваться состоянием дел в сотне, но фельдфебель, хитро поглядывая на меня, опережает:

— Вашбродь... Дозвольте вопрос. Тут к нам посыльный со штаба прибежал. Говорил, что по нашу душу офицер пожаловал, подпоручик. Мол, из самого штаба фронта бумаги у него. Да и вас подробно описал. Только... Извиняюсь, конечно... Но болтал он, что у того офицера пистолет ненашенский в кобуре на поясе висит. А у вас, как я гляжу, кобура — нагановская...

Да к тому же и пустая.

Вот ведь глазастый какой попался... Верно все подметил. Ну, ладно, правда в этом случае не помешает. Больше доверия завоюем.

— Все-то ты, Дмитрий Иванович, подмечаешь! Поменял я пистолет на два ящика пироксилина. Очень нужная и полезная штука в нашем хозяйстве. Вам в будущем тоже может пригодиться.

Остапец вылезает из-за стола и идет к своим нарам. Копаются в вещмешке и возвращается с тряпичным свертком в руках. Разворачивает ветошку и протягивает мне наган. Потертый, не раз побывавший в деле.

— Вот, вашбродь, возьмите. А то офицеру без нагана никак нельзя... Мало ли что...

— Спасибо, Дмитрий Иваныч! Придем к себе, отдам. — Засовываю револьвер в кобуру. — А скажите-ка мне, господа командиры, чему в сотне люди научены, что умеют?

«Замки» — Михаил с Борисом — синхронно открывают рты, чтобы ответить и, видимо, опять поспорить, у кого солдаты лучше, но Иваныч останавливает их одним только взглядом из-под белесых бровей. Затем неспешно отставляет кружку и рассказывает:

— Нас еще до войны учили, крепко в головы науку вбивали. Сейчас спасибо сказать надобно командирам нашим за это, только вот где их сыскать... Стрелять нас обучали, сторожевой службе, сопровождению походных колонн, пути разведывать, засады устраивать, железную дорогу портить. Сначала офицеров на сборах в бригаде учили, потом они — нас, в свободное время.

Ух ты, наполовину готовые диверсанты. Ладно, посмотрим, что они на базе покажут...

— И что, все это хорошо умеют, Иваныч?

— Ну, конечно, одинаковых нету. У каждого что-то лучше, что-то хуже получается. Только в крепости это никому не нужно было. Ходили как пугалы да по кустам шпийёнов ловили...

— И много поймали?

— Двоих. Германские бумажки на форты таскали. Вот мы их и сцапали, да в жандармскую команду сдали. А что с ними дальше было, то нам не ведомо.

— Ну, нужно али нет, только мои все ученые, все смогут. — Сомов решил вставить свои «пять копеек».

— Так и мои твоим не уступят! — это уже Михаил влезает в разговор.

— Цыть вам, петухи драчливые! — останавливает обоих Остапец. — Толку от вашего кудахтанья! Вот будет дело, тогда и увидим.

Мне остается только подтвердить правоту фельдфебеля. И добавить кое-что от себя:

— Прежде чем воевать идти, поучитесь немного. На время учебы разобьем всех на пятерки, и над каждой поставлю командиром казака. Но по вопросам внутренней службы взводы так и останутся. А вам, унтер-офицеры, надо будет самим стать командирами пятерок. — По глазам вижу, только разница в погонах не позволяет спорить со мной. С чего они такие гонористые, интересно? Надо будет разобраться. — Теперь скажите мне вот что: с пулеметами в сотне кто-нибудь умеет обращаться?

— Нет, нам они не положены были. Вот из винтовки многие хорошо бьют. В стражники-то набирали из местных охотников.

— И что, прямо все охотники?

— Да нет. Сотню потом пополняли с бору по сосенке. Но народ толковый, без гультаев... Вашбродь... Командир, а нам не скажете, чем заниматься будем?

— Еще не догадались? Ладно, удовлетворю ваше любопытство. Будем ходить в тыл к германцам, разведку проводить, диверсии устраивать, пакостить кайзеру всячески. Артиллерию уничтожать, обозы громить, мосты взрывать.

— Дело хорошее. А то засиделись тут в крепости. Только и делов было, что на плацу шагать да по кустам прятаться, ловить всякую шушеру.

— Ну, вот завтра и отправимся хорошими делами заниматься... Спасибо за хлеб-соль. Иваныч, пойдём-ка, сходим да посмотрим, как обоз в дорогу собрался...

В путь отправились по утреннему холодку, пока солнце в полную силу не припекло. Да и на дороге было посвободнее. Автомобиль с грузом и охраной ушел вперед, сотня мерно шагала по утоптанной грунтовке, первая и последняя шеренги несли берданки, сзади двигался обоз из оставшихся пяти двуколок с имуществом. Догнали одну толпу беженцев, потом другую... Жалко было смотреть на людей, в одночасье лишившихся крова над головой и уверенности, что когда-нибудь он снова появится. Всё, что имело колеса, было приспособлено для перевозки домашнего скарба. Да и люди навьючили на себя всё, что можно было унести. Когда-то, будучи еще курсантом, видел хронику Великой Отечественной, там тоже показывали беженцев. Но сейчас перед глазами не кадры шестидесятилетней давности из будущего, а реальный исход в Неизвестность. Приглушенная ругань взрослых, плач детишек, скрип телег, мычанье голодных или недоенных коров, до сих пор не понимающих, почему хозяева увели их из родного хлева на дорогу, — все это било по ушам и навевало беспросветную тоску и глухую злобу от невозможности помочь и что-то изменить. Глядя на лица уже своих погранцов, понимаю, что они думают и чувствуют примерно то же самое.

От тяжких дум отвлекает затор и оживленная перепалка на дороге. Посреди небольшой толпы стоит еврейская девчушка лет десяти и сквозь плач тараторит на своем языке. Под аккомпанемент тихих подвываний окруживших ее женщин. На нас обращают внимание и испуганно притихают.

— Что тут у вас? — Совсем не хочется задерживаться на дороге для выяснения, кто кого толкнул или не пропустил вперед.

— Господин офицер, за что нам это? — из толпы выходит седой раввин. — Нас изгнали из наших домов, стариков и детей гонят пешком неизвестно куда, и еще грабят по дороге!

Не понял! Все предыдущее настроение куда-то улетучивается...

— Уважаемый, кто и кого грабит?

— Там, за поворотом на развилке дорог, стоят солдаты, которые обыскивают и забирают себе всё, что понравится. Они говорят, что это — в наказание за то, что мы все — шпионы!

— И много их?

Старик переспрашивает у девчонки на идише, потом отвечает:

— Их там пятеро, господин офицер.

Так, это уже интересно. Кто ж такой умный тут пост организовал и грабежом занимается? Ну-ка, сходим, посмотрим...

— Дмитрий Иванович, оставляй старшим Сомова, возьми пару человек с берданками и пойдем-ка прогуляемся за поворот.

Остапец подзывает к себе бойцов, и мы идем на смотрины. Нас еще раз окликают раввин:

— Господин офицер, Хая говорит, что у них пять ружей, а у вас — только два...

— Что мы тут, стрелять друг дружку будем? — это Остапец рядом ворчит под нос. — Так разберемся. Командир, если разрешите, этих двоих отправлю вдоль дороги. На всякий случай.

Умный у меня фельдфебель. Я и сам про это подумывал.

— Не напугают?

— Нет, народ опытный. — Увидев одобрителный кивок, оборачивается к «свите». — Так, хлопцы, вы кустиками идете, только тихо. А там смотрите, как дело обернется. А мы с их благородием по дороге пойдем.

Рука на автопилоте опускается на кобуру... И тут вспоминаю, что люгера уже нет. Из оружия — одолженный наган, шашка и «оборотень» за голенищем... Ну и ладно! Будто, действительно, воевать сейчас будем...

Проходим за поворот, и вижу, что, скорее всего, воевать придется. Ожидал увидеть какой-нибудь пост с патрулем, а тут — «Гуляй, рванина, от рубля и выше». Их даже солдатами назвать трудно. Только один полностью в форме, остальные — кто в чем. Домашняя рубаха с армейскими шароварами и лаптями, гимнастерка с гражданскими штанами и обмотками... Двоих не могу рассмотреть, потому что зарылись в телегу в поисках чего-нибудь полезного, одни только ноги торчат. Но — с винтовками. На земле лежат два тела, наверное, хозяева... Интересненько! Нас увидели, насторожились. Главный, тот, который в форме, смотрит исподлобья, жестко и неприветливо... Подходим ближе. Надо начинать разговор...

— Что вы тут делаете, служивые? — Будем косить под дурачка. — Кто старший?

— Я за старшого, вашбродь. — как и ожидал, «солдат» у них за главаря. — Вот проверяем тут...

Двое в телеге высунулись, но пока просто смотрят, остальная троица движется нам навстречу, причем достаточно грамотно. Заходят с двух сторон. Будем надеяться, что фельдфебель справится с одним. Лишь бы стрелять не начали... Хотя пока не собираются.

— Ты бы, вашбродь, шел своей дорогой, нас не трогал, и мы — не тронем, — чуть ли не по-змеиному шипит главный.

Ага, понятно. Типа, как у Розенбаума: «Гоп-стоп, мы подошли из-за угла». Ну, начали... Делаю шаг в сторону от Остапца, чтобы не мешал, главарь кричит: «Бей!» Левый придурок пытается ударить прикладом сбоку в голову. Долго пытается, шашка вылетает из ножен, клинок под винтовку, шаг навстречу, немного приседаю, помогаю нападающему податься вперед, в левой руке уже его чуб, рывок вниз за себя, тушка падает в одну сторону, винтовка — в другую. Стреножу пяткой в ухо, краем глаза вижу движение главаря. Развернуться не успеваю, ухожу в кувырок, встаю... Остапец катается по земле в обнимку со своим противником... Промахнувшийся «солдат» хватает оброненную мосинку, укол штыком, ухожу вправо, рукоять шашки прилетает ему в нос, подножка, — полетел чудила. Низко пошел, к дождю, видать. Встает, морда в кровище, в руках уже ножичек порхает. Чувствуется, что он с ним поболее общался, чем с винтовкой... А вот так не хочешь? Раскручиваю шашку, фланкировке меня Михалыч научил-таки немного. Клинок гудит в воздухе. Удар обухом по вооруженной руке, нож, блеснув на солнце, улетает в сторону, и последний удар слева направо плашмя в ухо. Все, лежит, болезный. Глазки — в кучку, юшка из носа — на травку. Идиллия!

Иваныч своего противника уже захомутал, от кустов пограницы двоих беглецов, что деру дать намылились, пинками подгоняют. Все, спектакль окончен. Подхожу к телам на дороге, щупаю пульс. И хозяин, и хозяйка живы. Видно, оглушили обоих, чтобы не мешали. Наши клиенты уже все связаны, лежат себе смирненько, не телепаются. Шашку — в ножны, поднимаю слетевшую фуражку, отряхиваюсь. От поворота бежит толпа беженцев. Так они подсматривали, что ли? Вот ведь... бесплатный цирк! Позади них появляется моя сотня...

Через пятнадцать минут благодарностей, криков, воплей, пинков по тушкам и прочих

проявлений радости беженцев мы с ними расстаемся и сворачиваем на развилке, продолжая свой путь. Нам сегодня еще домой попасть надо. Пленники идут с нами. Первый раз вижу такое художество! Ширинки расстегнуты, пуговицы на них срезаны, штаны поддерживаются связанными сзади руками. В таком виде далеко не убежишь. Иваныч рассказал, что они так до войны пойманных контрабандистов водили. Сначала хотели их отвести в крепость, но потом подумали, что возвращаться — плохая примета, и решили взять с собой. Надо же кому-то отхожие ровики копать, пока жандармы не приедут по их душу.

По дороге любопытный фельдфебель поинтересовался, где можно научиться вот так драться. Пришлось открыть ему страшную тайну. В смысле, что — только у нас на базе...

Дошли нормально и вовремя. Пленные сначала упрямылись, хотели отдохнуть, потом раздались призывы к национальным чувствам, мол, православные против своих же единоверцев за каких-то евреев вступились. Когда и это не помогло, устроили саботаж. Остановились и заявили, что никуда не пойдут. Что они — такие же солдаты, только отставшие от своих частей, и их надо передать начальству, а не издеваться над бедненькими. Пришлось повторить трюк с «иглоукалыванием», а чтоб не орали и не портили хороший летний день матерщиной, забили кляпы в верхние акустические отверстия и для надежности подвязали веревочками. Остаток дороги они прошли с хорошей скоростью, благо желающих подогнать дезертиров было в избытке.

На базе нас встретили радостно и гостеприимно. Стараниями Сергея Дмитриевича, как организатора, и Ганны, как главной исполнительницы, все получили вкуснейший ужин. Даже криминальной пятерке досталось по паре сухарей. У некоторых погранцов при виде нашей стряпухи выиграло ретивое и загорелись потаённым бесстыдством глазки. Но немного притухли, когда она спросила у «дядечки командира», понравился ли ему ужин, и услышали в ответ: «Спасибо, племяшка». А потом пришлось им объяснить существующее положение дел и попросить Федора исполнить свой «фирменный» трюк — скручивание лопаты в трубочку. После этого в подразделении наступили мир и благополучие...

Доктор молча смотрел в окно вагона на проплывавший мимо бесконечно однообразный пейзаж. Ему срочно нужно было попасть в Москву. Старый друг, однокашник и сослуживец Михаила Николаевича сподобился достать два приглашения на очередной съезд Общества русских врачей, называемого в просторечии Пироговским, по имени основателя, который открывался на днях. Дела по передаче госпитального имущества задерживали отъезд, но, в конце концов, удалось закончить всю бюрократическую тягомотину и оставалось еще время, чтобы добраться до Первопрестольной. Однако задержки с отъездом всё же сказались, и прежде всего на собственном бюджете Михаила Николаевича — приобрести билет удалось только в первый класс. Задав мимолетное сожаление о незапланированных тратах и утешая себя надеждой на то, что получил идеальную возможность в дороге отдохнуть и привести в порядок мысли, он решительно направился в своё купе.

Ехать надо было более суток и не хотелось попасть «с корабля на бал». Тем более что появилась возможность посидеть вечером со старым другом, вспомнить молодые годы, общих знакомых, обменяться новостями, да и просто насладиться неспешной беседой под бутылочку «Старки», которая уже заняла свое место в походном саквояже. Столица столицей, а с принятием дурацкого сухого закона было опасение в качестве и подлинности продукта, купленного в Москве. Рядом лежал сверточек буженинки домашнего приготовления, который заботливо упаковал Петрович, как всегда ворчливо рассуждая о том, что доктор только о чужом здоровье заботится, а о своем и не подумает, ежели не напомнить.

Мысль о главной теме съезда вызвала мимолетную усмешку. В этом году совещания были посвящены борьбе с пьянством в России. Ничего нового для себя в этом вопросе Михаил Николаевич услышать не надеялся, и так было понятно по опыту предыдущих лет, что речь пойдет о переустройстве страны, на этот раз закамуфлированном под заботу о трезвом образе жизни народа. В принципе, те, кто утверждал подобное, были не так уж и не правы. Доктор не был отъявленным монархистом, он прекрасно видел и то, что изменения необходимы, и то, что Власть всеми силами пытается сохранить существующее положение вещей, загнать болезнь вглубь вместо лечения.

Но теперь, зная со слов своего очень необычного пациента, во что это выльется, Михаил Николаевич пребывал в некоторой растерянности. Десятки, сотни тысяч загубленных жизней в Революции и Гражданской войне — не слишком ли велика цена того Светлого Будущего, к которому будут все призывать?.. Только сейчас чуть-чуть стала осознаваться вся тяжесть положения царя. Ни одно из сословий, составлявших российское общество, не было довольным его властью. Начиная от забитых, бесправных низов, спивающихся от безысходности, кончая аристократией, купающейся в роскоши, богатстве и вседозволенности и желающей еще большего. А тут еще эта страшная, жесточайшая война. И неизлечимая болезнь наследника...

В поездке доктору с попутчиками не повезло: напротив, на диване разместились дама средних лет, которая пыталась откровенно кокетничать, а после взаимного представления решила, по-видимому, сменить тактику обольщения и страдальческим голосом попросила измерить пульс и прослушать сердце. Но и после прощания с ней долгожданный покой не пришел. Новым соседом, который ехал, увы, до самой Москвы, оказался коммивояжер, специализирующийся на реализации патентованных лекарственных средств, и с хорошо

отрепетированным восторгом рекламировал «чудо-препарат от кашля фирмы «Байер»». Сухо высказав всё, что думает как врач и человек о наркотиках, оставшиеся ночные часы Михаил Николаевич просидел у окна, вглядываясь в едва освещенные лунным светом поля и леса. В его голове пульсировала одна и та же мысль: «Как это ВСЕ могло случиться?» И извечный вопрос русского интеллигента: «Что делать?»

— Дамы и господа! Прибываем! — голос проводника оторвал Михаила Николаевича от невеселых размышлений. Не до конца веря в реальность происходящего, доктор нащупал в кармане пиджака мятую телеграмму, машинально коснувшись маленького маузера, подаренного Денисом Гуровым. Пистолет и трость были взяты в путешествие по совету капитана Бойко, который предупреждал об активизации преступного элемента в столице. Доктор вытащил бланк, чтобы прочитать еще раз: «Миша вскл срочно приезжай зпт есть два приглашения на пироговский съезд тчк остановишься у меня зпт есть о чем поговорить тчк николай».

Николай Петрович Бартонд, однокашник и друг «давно минувших дней», встретил доктора на перроне. После обязательных рукопожатий, объятий и приветствий друзья вышли на привокзальную площадь, быстро сторговались с извозчиком и на пролетке направились на квартиру московского врача. Михаилу Николаевичу, отвыкшему от «цивилизации», было непривычно видеть в витринах магазинов рядом с рекламой военные плакаты, рассказывавшие о том, как лихой казак Козьма Крючков пачками насаживает врагов на пику, или призывавшие жертвовать 20–21 мая на табак солдату и подписываться на военный заём под пять с половиной процентов.

Пестрота московских улиц быстро закончилась, лихач довез пассажиров до места, получил свою оговоренную полтину и с присвистом умчался. Хозяин с гостем поднялись в квартиру, где их уже ждал поздний обед, плавно перешедший в ужин. Неспешно утолив голод и отпустив прислугу, два старых холостяка перешли в кабинет, где и расположились поудобней. Привычки студенческой жизни не были забыты. Хозяин в расстегнутой домашней куртке расположился на диване, а доктор, скинув в хорошо протопленной комнате пиджак и жилет и ослабив галстук, оккупировал кресло по другую сторону сервированного столика.

Разговор, как всегда, начался с традиционных «А помнишь?», «А знаешь?», потом плавно перетек к текущим событиям и предстоящему съезду. Приятно ощущая кожей тепло, идущее от печки-голландки, доктор блаженно прикрыл глаза.

— Что, Мишель, жмуришься как кот?

— Я, Коля, за зиму в госпитале так наморозился, теперь любое тепло для меня — в удовольствие. Кстати, а вы как перезимовали?

— Ничего, нормально. Красные флаги на каланчах только три раза вывешивали.

Доктор помимо воли встрепенулся при этих словах. Воображение, подстегнутое рассказами Гурова, нарисовало ему в уме картину боев революционеров с полицией на улицах Москвы, введения военного положения, цензурного запрета на все публикации по этой теме...

— Миша, Миша! Что с тобой? Аж в лице переменялся!

— ...Красные флаги...

— Ну да. Ты что, забыл? Если мороз за минус двадцать пять, на каланчах красные флаги поднимают и ребятня в гимназию не идет... Совсем вымотался в своем госпитале. Я правильно сделал, что вытащил тебя, Мишенька, в Москву. Пообщаешься со старым другом,

немного развеешься. Ты ведь там не имеешь возможности отслеживать, чем дышит нынешняя интеллигенция. А у нас тут жизнь бурлит вовсю. Все, кому не лень: промышленники, юристы, помещики, даже купцы и торговцы, артисты и литераторы, — все лезут в политику. Ты же знаешь, наша национальная забава — болтать о ней и хаять правительство. И я, грешен, иногда принимаю в этом посильное участие.

— Неужели ты, Коленька, стал интересоваться политикой? Небось, и в партию какую-нибудь вступил, а?

— Нет, друг мой, не вступил и не собираюсь. У меня не хватает времени на медицину, а не то, что на пустую болтовню. Хотя у конституционных демократов достаточно четкая программа обустройства страны и ограничения самодержавного произвола властей.

Доктору пришли на ум дорожные размышления, и он решил поделиться ими с собеседником.

— Ты знаешь, Коля, пока ехал, в голове крутились некоторые мысли. Я вдруг осознал, как тяжело нашему императору.

— Ты стал монархистом, Миша? С каких это пор?

— Нет, просто по-человечески посочувствовал ему. Крестьяне хотят земли, защиты от произвола землевладельцев и чиновников. Вспомни последний неурожай, когда они у помещиков хлеб забирали. Не для торговли, а чтоб детишек прокормить. Кто-то с голода пухнет, а кто-то зерно на экспорт продает, дождавшись хорошей цены, да еще штыками солдатскими прикрывается. Я в госпитале наслушался разговоров. Мол, если опять голодать бабы с детишками будут, солдаты домой подадутся, да с винтовками. Вот, тогда как полыхнет по всей Руси-матушке, не враз потушишь. — Доктор раскурил душистую папиросу и продолжил: — И в городе — не лучше. Рабочие живут как каторжники, работают по четырнадцать — шестнадцать часов в сутки, хотя есть царев указ об ограничении до десяти. Штрафы и произвол на заводах — везде и всюду. И инспекторам не пожалуешься, они все куплены. И хотят промышленники только одного — еще ту же мощну набить. А для этого им парламент нужен, выгодные законы принимать. Вот поэтому в политику и лезут. И для всех царь — плохой.

— Знаешь, мон шер, ты прав, наверное. Кстати, бомонд тоже все неудачи пытается повесить на императора. Вспомни назначение великого князя Николая Николаевича главнокомандующим. Каких только дифирамбов ему не пели! А сейчас ходят слухи, что царь его снимет. За все «удачные» отступления. И сам станет главкомом.

— Вот, Коля, еще и тут он будет виноват. Тут поневоле монархистом из жалости сделаешься. Душа болит. И за царя, и за Отечество...

— Ладно тебе. Послушай лучше наши медицинские сплетни. По большому секрету мне сообщили, что на съезде будет сам Павлов!..

— Да неужели?!

— Да. Несмотря на все козни ему, прислали приглашение... а еще Академик стал достаточно тесно общаться со всякими технарями. Одним словом, выбрался из своей башни, пошел в народ, записался даже на лекции по гальванизму и электричеству. Причем это, конечно, слухи, но... Когда лектор попытался пошутить над Иваном Петровичем, получил, говорят, вполне квалифицированный отлуп. Еще он тесно сошелся с Павлом Ивановичем Ижевским, профессором Военно-медицинской академии.

— Это тот, что изучает влияние электрических полей на человека?

— Да, сейчас они вместе с Павловым ведут какое-то совместное исследование, скорее

всего в военной области... Так вот, Академик будет председательствовать в нашей секции...

— Николенька, а почему ты манкируешь своими обязанностями? Я «Старку» вез не для того, чтобы она выдыхалась...

— Она и не успеет!.. Эх, хороша!.. Да под буженинку!..

Доктор стремился на съезд отчасти, чтобы увидеть Павлова. В Московский императорский университет они приехали за час до начала. Николай Петрович тут же умчался решать какие-то оргвопросы, а доктор неспешно прогуливался по коридорам своей знаменитой альма-матер. Мимо пробегали чем-то озабоченные участники, в то же время гордые своей исключительностью, которая позволила им находиться здесь. У некоторых это было явственно написано на лице. Внимание привлек господин, одетый по последней моде потомственных тыловиков: китель без погон, брюки-галифе, английские армейские ботинки с крагами. Он что-то глубокомысленно втолковывал группе молодых людей, скорее всего студентов-медиков, оживленно жестикулируя. Проходя мимо, Михаил Николаевич услышал обрывок фразы: «...обращайте особое внимание на людей, могущих быть полицейскими шпиками. Они могут быть особенно опасны...» Чем могут быть опасны полицейские чины, надзирающие за порядком, доктор так и не понял.

Пройдя по коридору, он решил идти в зал, но по дороге решил заглянуть в туалетную комнату. Зайдя, Михаил Николаевич опять увидел давешнего господина, который на звук открываемой двериотреагировал неловким дерганьем. Засунув что-то в карман, тот поторопился на выход, икнув и обдав при этом доктора коньячным ароматом...

Наконец-то секретарь-распорядитель постучал карандашом по графину с водой, тем самым призывая к тишине, и озвучил приветствие, повестку дня съезда и регламент. Потом на трибуну поднялся первый докладчик... Как и предвидел Михаил Николаевич, с первого же момента работы съезда вопросы медицины стали лишь прикрытием политических агитаций, и он почувствовал себя попавшим во времена революции 1905 года. Доктор терпел все эти словоблудия, стараясь не выказать разочарования. Но его выдержка дала трещину при выступлении незнакомого приват-доцента из Петрограда, того самого военизированного господина, который начал с обоснования необходимости запрета употребления вина простым народом, а закончил завуалированными призывами к свержению самодержавия и немедленного «установления демократических свобод слова, печати и союзов». Доктор пытался сдерживаться до конца, но то, что оратор остался на подиуме и стал раскланиваться с аплодирующими, стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. Он, решительно встав с места, поднял руку с тростью вверх и командным голосом заявил: «Прошу слова!» После чего, не дав оторопевшему распорядителю возразить, занял место на трибуне.

— Уважаемые коллеги и некоторые милостивые государи, коих я не считаю возможным причислить к таковым, забыли, что все мы, вступая на врачебную стезю, давали священную клятву Гиппократу и прежде всего — не навредить пациенту. А что делаете вы, господа? Сейчас пациентом у нас — вся Россия. Да-с! Вся империя! А вы призываете к неслыханным и, я бы сказал, смертельным экспериментам над организмом больного. Если вы позабыли слова великого гражданина Петра Аркадьевича Столыпина, обращенные к безумным, одурманенным вольнодумцам: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!»... — Речь стала прерываться топотом ног и свистом либерально настроенной публики. Но это не смутило оратора, не заставило отказаться от речи. Удар тростью по трибуне был подобен пушечному выстрелу, а он, воспользовавшись растерянной паузой, продолжил: — Если вам не по себе слушать слова человека, положившего жизнь на алтарь служения Отечеству, то я процитирую вам великого Пушкина: «Не приведи бог видеть

русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка — копейка». Кроме того, бунта, к которому вы призываете и в который ввергаете Россию, вы норовите вскользь или явно облить грязью императора и его семью. При этом вы не хотите видеть того, что императрица и великие княжны трудятся как простые сестры милосердия... Да, не все ладно в нашей Державе и многое нужно менять. Менять, но не разрушать, как призывают господа современные карбонарии: «Весь мир насилья мы разрушим»... Не забыли ли вы, что злодейская рука, бросившая бомбу к ногам императора Александра-Освободителя, навеки остановила его руку, готовую подписать Конституцию для России. Выступавший передо мной оратор слишком вжился в амплу Робеспьера и, видимо, забыл о том, что революция пожирает своих детей. Вы можете возразить, что мы — не политики, а врачи и ученые, но я напому вам о печальной и трагической судьбе великого Лавуазье. Мы живем в России, и ужасы английской и французской революций покажутся невинным водевилем по сравнению с теми потоками крови, которые могут пролиться не далее чем через два года, если вы не образумитесь, господа!

Сейчас — война. Я сюда прибыл из прифронтового госпиталя, где имею честь выполнять свой долг. И должен заметить вам, коллеги, что сия война — уже не та, которая была с японцами или турками. Мы для тевтонов, господа, не просто варвары, а не-до-че-ло-ве-ки! Да-с! Славянские свиньи! И я могу вам привести немало случаев, когда ни красный крест на груди сестры милосердия, ни крест на груди священника, ни беспомощность раненого воина не останавливали штык или пулю врага. И эта война поистине становится второй Отечественной. Нам нужно и должно сплотиться, спасти Россию и сохранить человеческий облик. О переустройстве Державы будем говорить после победы. Если вы не хотите через два года быть растерзанными обезумевшей от крови толпой, не хотите, чтобы ваши жены и дочери были «социализированы» уголовниками, выпущенными из тюрем либеральным адвокатом, вообразившим себя Бонапартом, то мы должны работать! Работать и забыть, господа, о некой нашей национальной слабости — разглагольствовать о политике после сытного обеда, расстегнув крючки на вицмундире. И это в то время, господа, когда наш с вами русский народ не просто живет впроголодь, а голодает. Четверти века, господа, не минуло, как незабвенный Антон Павлович Чехов не на словах, а на деле спасал голодающих от смерти. И упаси вас бог от попыток заигрывать с теми, кто пытается уничтожить Россию. Революция, как правило, кончается войной. И не простой, а гражданской, которая не в пример страшнее. Вспомните, господа, во Франции герцог Орлеанский рядился в одежды революционера, спасло это его от расправы черни?.. Вы хотите увидеть это в России, только не с белыми розетками, а с красными бантами?.. Когда полный георгиевский кавалер станет вторым Мюратом, когда поручик гвардии превратится в кровавого маршала, когда раздастся призыв «сбросить Пушкина с корабля истории», — то тогда воистину воцарится Содом и Гоморра, конец света для всех нас!

Сидевший в президиуме академик Павлов, на протяжении всей пламенной речи доктора что-то помечавший на листе бумаги, при последних словах поднял голову и неотрывно сверлил взглядом выступавшего.

Присутствующие в зале разделились на две примерно равные части. Одни аплодировали и кричали: «Браво!», другие свистели и вопили что-то оскорбительное про голубые мундиры и жандармских провокаторов. Особенно усердствовал десяток студентов-медиков,

расположившихся на галерке. Речь доктора получила неожиданную поддержку из президиума. Академик Павлов неспешно поднялся, опираясь руками о стол, и, став похожим на льва, величественно оглядел мгновенно притихший зал, затем несколько раз хлопнул в ладони, выражая одобрение. Державшиеся отдельной кучкой и спешно строчившие в своих блокнотах корреспонденты, увидев действия академика и Нобелевского лауреата, устроили настоящую рукопашную схватку, стремясь первым выскочить, поймать извозчика и домчать сенсацию на стол главного редактора.

Михаил Николаевич уже вернулся на свое место, пока распорядитель тщетно пытался успокоить зал. Наконец ему это удалось, начал выступать следующий оратор, и в это время доктору по рядам передали записку. Ожидая увидеть очередные ругательства и оскорбления, он был немало удивлен прочитанным:

«Милостивый государь! Если Вас не затруднит, не согласитесь ли встретиться со мной по окончании заседания? Буду премного обязан. Павлов».

Оставшееся время доктор сидел как на иголках, пытаясь понять подобную реакцию Академика. И несколько раз ловил на себе его внимательный и, как бы, изучающий взгляд...

* * *

В перерыве к доктору подошел молодой аспирант и вежливо пригласил пройти в кабинет. Там его уже ждал Сам!.. Ждал с нетерпением, выразавшимся в нервном хождении из угла в угол. Судя по всему, разговор предстоял продолжительный и приватный. На столе попыхивал паром новомодный электрический чайник, заварник источал очаровательный аромат, вокруг них стояли стаканы в серебряных подстаканниках и вазочки с сахаром и булочками.

— Здравствуйте, коллега. — Павлов протянул руку, пожатие было сильным и энергичным. — С кем имею честь?..

— Михаил Николаевич Голубев, хирург и психиатр. До недавнего времени заведовал госпиталем. — Доктор все не мог взять в толк, зачем он понадобился великому ученому. Не для того же, чтобы поблагодарить за пламенную речь. Но Иван Петрович не зря был известен как радушный и гостеприимный хозяин и сразу же пригласил гостя к столу.

— Не обессудьте, Михаил Николаевич, но коньяк предлагать не стану. Сам зелье сие не жалую и вам не советую. Да и пить сегодня, когда народ наш отучить от пьянства пытаемся, — так и фарисеем стать недолго.

Пока хозяин и гость не отдали должное дарам «Товарищества Петра Боткина и сыновей», а также знаменитой московской сдобе, разговор велся исключительно на околomedические темы. Иван Петрович посетовал на лекарственный голод и нехватку самых необходимых медикаментов, что нашло самый искренний отклик у доктора, который не раз сталкивался с этой напастью у себя в госпитале. И его очень заинтересовала одна из фраз Павлова о возможных перспективах безмедикаментозной терапии и электромагнитных полей.

Допив чай, Павлов предложил Михаилу Николаевичу пересест в уютное кожаное кресло и сам расположился, напротив.

— А теперь, если вы не возражаете, коллега, позвольте мне вернуться к нашему съезду и вашему столь неожиданному, но очень яркому экспромту на нём. Если не ошибаюсь, ваше выступление отсутствовало в программе? Тем не менее, я должен признаться, что был очень удивлен вашей речью. Приятно удивлен. Далеко не каждый сейчас думает так же, как вы. И тем более еще меньше людей осмеливается произнести такие слова с трибуны. Вы очень смелый человек, доктор.

Павлов пристально смотрел на своего визави. У того даже сложилось впечатление, что академик пытался разглядеть в нем кого-то знакомого. Таким взглядом человек смотрит на лучшего друга, с которым судьба разлучила много лет назад, и теперь он, внезапно повстречав пропавшего, ищет сквозь морщины и седину черты того сорванца, с кем в далеком-далеком детстве совершал геройские мальчишечьи подвиги.

— Спасибо за лестный отзыв, профессор, но я просто высказал свое мнение. То, к чему призывают эти господа, смертельно для страны!

— Давайте обойдемся без званий, Михаил Николаевич. Называйте меня по имени-отчеству. Мы все же не на официальном приеме... Я согласен, что господа либералы не осознают всей опасности положения в стране. — Павлов вдруг как-то неуловимо поменялся в лице. — И могут привести ее к катастрофе, если дорвутся до власти... Скажите, а откуда у вас такие точные сроки — два года?

Доктора бросило в жар. Во-первых, он только сейчас осознал, что в пылу выступления озвучил некоторые детали из рассказов Гурова, а во-вторых, академик, вцепившись в ручки кресла и подавшись вперед, буквально прожигал взглядом, ожидая ответа. Как будто от этого зависело что-то очень важное.

— Иван Петрович... Я многого насмотрелся и наслушался за время работы в госпитале... И среди моих пациентов и простые солдаты, и офицеры, да и со штатскими общаться приходится часто. Снабженцы, фармацевты, купцы — с кем только не приходилось иметь дело. Те два года, про которые говорилось, — это мой личный прогноз, если хотите. Я ведь не только хирург, но еще и психиатр. Сиречь — обязан уметь анализировать и предвидеть поведение людей. Так вот, глядя на то, как ведут себя раненые, слушая их, разговаривая с ними, я пришел к выводу, что максимум через два года терпение народа иссякнет.

— Ну, что же, это вполне возможно. Наблюдательный человек способен порою сделать поразительные выводы, даже из незначительных деталей. Тому порукой биржевые маклеры, что миллионы из ничего наживают. Но есть два момента, которые не объяснишь простым анализом бесед с ранеными и знанием жизни, а именно: кто такие Либеральный Адвокат, Мюрат номер два и Кровавый Маршал?

Михаил Николаевич почувствовал себя в амплуа не подготовившегося к серьезному экзамену первокурсника. А Павлов... Павлов явно что-то знал или о чем-то догадывался. Его глаза пронзительно смотрели на доктора, и он невольно проникся тем ощущением, которое, вероятно, испытывает подопытный кролик, попавший в руки экспериментатора. Несмотря на то, что в этом кабинете было не жарко, щеки и лоб горели, как после парной. Кроме того, на протяжении этой беседы у него возникло чувство того, что с ним одновременно говорят ДВА разных собеседника. Неуловимо менялся тембр голоса, и порою хирургу с закаленными нервами и опытному невропатологу инстинктивно хотелось перекреститься — он был готов поклясться, что у Павлова меняется цвет глаз. Сказать правду? Но это нарушит обещание, данное Гурову и Бойко. Лгать? Это недостойно, да и врун из него никакой. Остаётся только

полуправда. Желая получить хоть малую толику времени для принятия решения, доктор вынул из кармана брюк портсигар и обратился к Павлову:

— Вы позволите?

— Не считите меня бестактным, коллега, но — нет! Ибо: не пейте вина, не огорчайте сердце табачищем — и проживете столько, сколько жил Тициан. И, кроме того, Михаил Николаевич, я с нетерпением жду ответа на свой вопрос, и будьте уверены, это — не праздное любопытство.

— Вы можете мне не поверить, Иван Петрович, но информацию об этом я почерпнул из беседы с одним из своих многочисленных пациентов, а точнее из его бессвязных монологов, произнесенных в беспамятстве. Молодой прапорщик поступил к нам в госпиталь с контузией головы. Признаюсь, шансы на выздоровление были ничтожны, но делали всё, что могли. Наши сестрички, истинные ангелы, дежурили возле его постели денно и нощно и, когда слышали странные слова, вызвали меня. Я и запомнил кое-что. Тем более, есть поверья, что человек в беспамятстве пребывает сразу в нескольких мирах одновременно.

— А как же звали этого новоявленного монаха Авеля и какова его дальнейшая судьба?

— К сожалению, Иван Петрович, госпиталь готовился к расформированию, неразбериха, наплыв новых раненых, операции днем и ночью. Абсолютно точно могу сказать только одно — прапорщик выжил, выздоровел и, отказавшись от отпуска, сбежал на передовую.

— Да-с, очень жаль. И в какую часть он был отправлен, вы тоже не знаете?

— Увы, нет. А мой помощник по общим вопросам, который мог что-то знать, переведен на другое место.

— Жаль, очень жаль. Ну, самое главное, что жив ваш оракул, а остальное — дело времени... Кстати, Михаил Николаевич, не желаете перейти ко мне? Мы совместно с профессором Ижевским...

— Простите, вы имеете в виду Павла Ивановича Ижевского?

— Да, именно его. Павел Иванович первым в России, а может быть и в мире, обратил внимание на влияние переменных электромагнитных полей на человека. И не остановился на теоретических исследованиях, а получил реальные результаты на практике — поставил на ноги сотни, если не тысячи пациентов. А теперь, пользуясь поддержкой принца Александра Петровича Ольденбургского, мы развернули нечто вроде научно-исследовательского центра и работаем в интересах армии и флота.

— Заманчиво, ей-богу, очень заманчиво, Иван Петрович! Но у меня назначение к новому месту службы. Придется разворачивать госпиталь практически на пустом месте, и, наконец, я и сам пообещал, да и людей с собой сманил. Так уж не взыщите, вынужден отказаться.

— Не упрекайте себя понапрасну, Михаил Николаевич. Дело — превыше всего. Но, если не возражаете, мы вернемся к этому разговору несколько позже. Единственная просьба, если фронтовая судьба вновь сведет вас с этим необыкновенным прапорщиком, то передайте ему, что... Что Тесла просит простить себя, да и поинтересуйтесь заодно: не забыл ли он отпраздновать 12 апреля... Прошу вас — всенепременно!

Глава 4. Продолжение

Уф... Неужели этот неожиданный и до конца не совсем понятный разговор подошел к концу?.. Возле двери Михаила Николаевича встретил заждавшийся и нервно расхаживающий Бартонд. И по пути к гардеробу у друзей состоялся короткий диалог:

— Ну, Миша, растревожил ты улей. Вся альма-матер прямо-таки гудит. Но как ты ораторствовал: то ли Цицерон, то ли сам Вещий Олег!

— Ты все шутишь, Коленька, а я серьезно боюсь оказаться Вещим, а точнее Вещей Кассандрой. Которую слушали, но не слышали.

— Ну, кое-кто слышал. Ко мне подходил наш с тобой однокурсник Х. Помнишь, он ещё на студенческих пирушках тост поднимал за государя и норовил выпить за каждого в отдельности, начиная с Михаила? Хе-хе-хе... Так теперь он — профессор и предлагает тебе, Мишенька, выступить перед собранием студентов-монархистов, воодушевить их, а то: «... декабристы новоявленные эти, окаянные, совсем одолели. И кабы только из студентов были, так и преподаватели подключились...»

Последняя фраза прозвучала при подходе к окошечку гардеробщика. Забрав плащи и оставив традиционную дань уважения в длани служителя, который по слухам был современником если не Ломоносова, то Пирогова, друзья направились было на выход, но, поблагодарив врачей учтивым, если не сказать — аристократическим полупоклоном, Михаил Васильевич (именно так звали почтенного служителя гардероба) неожиданно огорошил вопросом и так донельзя растерянного доктора:

— А, что, многоуважаемый Михаил Николаевич, вы, стало быть, у нас теперь служить снова будете?

— А с чего вы это взяли, милейший Михаил Васильевич?

— Так шестеро студентов здесь крутились и все выпрашивали: не выходили ли вы, а то, мол, им о переэкзаменовке договориться нужно. Вас завидели, да и выскочили как наскипидаренные. Да видать, со страху кокаину нанюхались — глазки-то шальные совсем.

Уже перешагивая через порог и подчиняясь некому наитию, Михаил Николаевич достал из внутреннего кармана маузер, взвёл, поставил на предохранитель и аккуратно переместил в карман плаща, пару раз крутанул трость, проверяя баланс. За всеми этим действием с удивленным лицом наблюдал Бартонд и, желая, видимо, скрыть смущение, несколько игриво спросил:

— Помнится, Мишенька, ты в молодости французскими романами увлекался, но чаще господина Жюль Верна перечитывал, а ведешь себя как персонаж Доде, ну вылитый — Тартарен из Тараскона. В тросточке, стало быть, шпага, а в «левом кармане кастет»?

— А ты забывчивым становишься, Николай. Запомню, что ли, как в Харькове до избиений студентов-академистов и угроз убийств доходило. А сейчас близятся времена пострашнее.

Но, не желая выглядеть окончательным параноиком, доктор решительно отказался от предложения взять извозчика, и друзья решили излечить расстроенные нервы, сочетая прогулку и дружескую беседу, вдыхая очищающий легкие и голову аромат майского вечера.

Умиротворенная тишина и малолюдье улицы, еще не совсем вступивший в свои права вечер настроили двух почтенных медиков на лирический лад и воспоминания о пикантных моментах сдачи экзаменов в родном университете. Как это бывает практически всегда, они

дружно сошлись на том, что студент нынче пошел какой-то не такой: в голове лишь вечеринки, танцы со знакомыми курсистками, а иной раз, чего греха таить, — пивные, плавно перетекающие в кулачные, дуэли со «школярами из иной бursы». На последней фразе друзья внезапно замолкли, переглянулись и дружно рассмеялись, ибо всё то, о чем они говорили, происходило именно с ними, в годы далекой, но прекрасной юности. И вдруг, словно ожившее воспоминание, навстречу им из подъезда вышла девушка, судя по одежде — именно курсистка. «Гений чистой красоты», скромно опустив глаза, двигалась им навстречу, и оба доктора, не сговариваясь, расступились в стороны и синхронно приподняли шляпы, приветствуя «гостью из прошлого». Юная прелестница учтиво присела, приоткрыла сумочку, и буквально в последний момент Михаил Николаевич успел заметить несколько вызывающую косметику, щедро покрывающую не такое уж и невинное личико. Но было уже поздно, Бартонд получил прямо в глаза целую жменю ядреного нюхательного табака и буквально ослеп от рези в глазах.

А из парадного с топотом, напоминающим грохот копыт атакующего эскадрона, вылетела шестерка студентов, которые, угрожающе наклонив головы и пряча руки в карманах, попытались взять Михаила Николаевича в кольцо. Всё это сопровождалось громкими фразами о жандармском прихвостне, монархической шкуре, Иуде и прочими перлами словесности. Особенно усердствовал упитанный юноша с еще безусым, но уже достаточно потасканным лицом, выглядевший, как карикатура на Наполеона I. Окинув презрительным и откровенно плотоядным взглядом Михаила Николаевича, который перехватил трость за нижний конец, «Бонапарт» под гогот «свиты» издевательски процедил сквозь зубы:

— А тросточку-то, господин Держиморда, от греха бросьте в сторонку. Глядишь, и без членовредительства излишнего обойдётся. Мы сегодня добрые.

Доктор, внезапно почувствовал себя абсолютно спокойным и готовым к действию. Перед ним стояли не одурманенные кокаином и иезуитскими речами агитаторов молодые люди, это были уже враги.

— Бросить, стало быть, советуете, юноша? Ну, что ж, извольте.

Трость, подобно городошной бите, врезалась в коленную чашечку и буквально выбила из игры «Бонапарта», который с воплями боли, прерывающимися ругательствами, катался по мостовой, сжимая обеими руками пострадавшую конечность. На мостовую со звоном упал латунный кастет.

Одновременно из темноты подворотни противоположного дома раздались трели свистка. Это не остановило нападающих, а лишь только ожесточило, тем более что их противник только что, как они считали, лишился своего единственного оружия. В их руках тоже появились кастеты, но вдруг прогремел выстрел. Рука доктора твердо сжимала рукоятку пистолета, а на лице была написана решимость направить следующую пулю ниже вечернего неба.

Мгновенно присмиревшее шакальё, подхватив под руки обезоруженного в обоих смыслах этого слова главаря, бросилось наутёк, тем более что совсем рядом уже раздавались трели свистков и топот тяжелых полицейских сапог. Через несколько минут из-за угла появилось четверо городских, левой рукой придерживающих рукояти шашек, а правой расстегивающих на ходу кобуры со смит-вессонами. Из уст одного из них, судя по лычкам на погонах, старшего унтер-офицера, прозвучали вопросы:

— Кто стрелял, что случилось?! — И, наконец, очень вежливо. — Городовой старшего

оклада Иванов. Прошу вас, господа, представьтесь.

Имеющие, видимо, немалый опыт в подобных делах городовые оцепили место происшествия, а удаляющиеся звуки свистков дворников говорили о том, что охота на убегающих преступников в самом разгаре.

Пригласительные именные билеты на съезд врачей, документ начальника госпиталя, имевшийся у Михаила Николаевича, а также явно пострадавший и до сих пор ничего не видящий Бартонд вполне устроили стражей порядка, и друзей пригласили в участок для составления протокола о нападении и для оказания помощи пострадавшему.

Извозчик материализовался буквально из вечерней полутьмы, и старший, деликатно пропустив вперед докторов, к их удивлению, скомандовал: «Гони к ближайшей аптеке, а потом — прямо на Петровку 38».

Удивление было вполне обосновано: ведь ехать им предстояло не в рядовой полицейский участок, а в Управление корпуса жандармов, так сказать, «гнездо голубых мундиров и душителers свободы». Впрочем, Михаил Николаевич оставил все вопросы на потом и сосредоточился на оказании первой помощи своему пострадавшему другу, тем более что тот, с упрямством ребенка, позабыв все врачебные заповеди, пытался тереть и без того горящие красным огнем глаза. Слава богу, провизор аптеки Форбрихера задержался на рабочем месте, и они в четыре руки вернули Бартонду временно утраченную способность видеть.

На Петровке друзей несколько раз передавали из рук в руки, каждый новый собеседник был стандартно вежлив и предупредителен. Наконец их разместили в небольшом, уютном кабинете, где молодой корнет задал полагающиеся по такому случаю вопросы и дал подписать аккуратно составленный протокол, оформленный почти каллиграфическим почерком. После чего, внимательно просмотрев документы, произнес:

— Господа, к вам нет никаких претензий. Вы действовали как законопослушные подданные. Единственно, к многоуважаемому Михаилу Николаевичу есть небольшой вопрос. По-видимому, на имеющийся у вас пистолет маузер нет документа, оформленного в соответствии с утвержденными правилами? Не переживайте, в этом нет большого греха, но у меня будет к вам убедительная просьба моего прямого начальника ротмистра Воронцова — пожертвовать часок времени и дождаться его, тем более что он в курсе ваших приключений. А пока прошу выпить чаю. Если есть необходимость проинформировать близких или начальство о месте вашего пребывания, то мы это непременно организуем. Во всяком случае, телефон в вашем распоряжении.

Михаил Николаевич был в Москве проездом, поэтому любезно предложенной возможностью позвонить воспользовался только Бартонд. Связавшись через барышню со своим коллегой и заручившись его согласием на проведение завтрашних занятий, он с удовольствием отдал должное чаю с бутербродами, тем более что в отличие от друга, который успел перекусить с Павловым, после перенесенных испытаний испытывал поистине волчий голод. Впрочем, доктор Голубев немногим уступал ему в аппетите, и новый поднос с сэндвичами оказался очень кстати. Владислав Викторович взирал на сие лукуллово пиршество с улыбкой гостеприимного хозяина и, заявив, что: «преломленный вместе хлеб, делает людей друзьями», внес и свою лепту в эту очень позднюю трапезу.

Когда первый голод был утолён, друзья, осваиваясь в этом не совсем обычном месте, с любопытством оглядели кабинет. Михаил Николаевич и вправду увлекался приключенческой литературой и, кроме романов Жюль Верна, с не меньшим удовольствием почитывал

произведения своего английского коллеги сэра Артура Конан Дойла. И вот теперь он решил выступить в амплу сыщика Шерлока Холмса и по внешнему виду помещения, мебели, книгам и прочему составить представление об их хозяине, ибо столь молодой офицер им не был, хотя явно проводил в нем немало времени.

Итак, несколько книжных шкафов. Перечень книг вызывал удивление: статистические ежегодники России соседствовали с томами военной энциклопедии Сытина, издания по криминалистике — с подшивками журнала «Наука и жизнь» и несколькими томами Карла Маркса на английском языке. Между ними стоял внушающий уважение сейф, а чуть далее шахматный столик с неоконченной партией. Массивный письменный стол был абсолютно свободен от бумаг. На нем обосновались лампа с зеленым абажуром, письменный прибор и, как это ни странно, арифмометр. Несколько кресел, на которых разместились доктора, невысокий столик с самоваром, чашками и подносом с бутербродами. Доктор долго не мог понять, чего именно, по его мнению, не хватает в этом кабинете. Но затем понял: в кабинете не было портрета царствующего императора Всероссийского!.. Но зато висели сразу три небольшие цветные литографии с портретами императоров Николая Павловича и Александра Александровича, а также графа Александра Христофоровича Бенкендорфа. Михаил Николаевич, так и не сумевший прийти к каким-то выводам по личности хозяина кабинета, пока оставил свои мысли при себе. А вот его друг не сдержался. Бартонд умиротворённо оглянулся вокруг и одобрительно произнес:

— А уютно, здесь у вас, Владислав Викторович. Прямо-таки и не верится, что всё это можно встретить... — здесь он запнулся и, закашлявшись, попытался скрыть смущение.

— Вы, вероятно, хотели сказать в управлении жандармерии, там, где допрашивают, секут и вздергивают на дыбе? — понимающе улыбнувшись, спросил корнет.

Бартонд покраснев, пробормотал, что он совершенно не это имел в виду. Но затем, видимо решив, что слишком уж тушует перед этим юнцом «в голубом мундире», с вызовом и чуть резче, чем собирался поначалу, выпалил:

— Можете на меня обижаться, но — почему бы и нет?!

— А я и не обижаюсь, привык-с. Немудрено, что среди просвещенных и ученых мужей распространены подобные заблуждения. Особенно после пасквилей, аналогичных вот этому. — Иронично усмехнулся его собеседник, чуть привстав и наклонив голову в сторону визави, затем достал из кармана записную книжку и зачитал несколько фраз: — «...В Царском Селе принимают не очень ласково, но оригинально. Как только я вошёл, меня окружила толпа жандармов, и руки их тотчас же с настойчивой пытливостью начали путешествовать по пустыням моих карманов. Наконец, один из них отступил от меня шага на три в сторону, окинул мою фигуру взглядом и скомандовал мне: «Раздевайтесь!» — «То есть — как?» — спросил я. «Совершенно!» — категорически заявил он. Двое из них, обнажив сабли, встали у меня с боков, третий пошёл сзади, держа револьвер на уровне моего затылка. И мы, молча, пошли по залам дворца. В каждом из них сидели и стояли люди, вооружённые от пяток до зубов. Картина моего шествия была, видимо, привычной для них, только один, облизывая губы, спросил у моих спутников: «Пороть или вешать?» — «Журналист!» — ответили ему. «А... значит — вешать!» — решил он...» Сочинение почетного члена Императорской академии Максима Горького, он же Алексей Максимович Пешков. А может быть, господина Лермонтова процитировать?..

— Господа, господа, — умиротворяюще произнес Михаил Николаевич, — довольно спорить. Вот, кстати, позвольте полюбопытствовать: а почему у вас в кабинете портреты

именно императоров Николая Павловича и Александра Александровича размещены? Не Петра или Екатерины Великих, к примеру?

— Кабинет это не мой, а ротмистра Воронцова. Если не возражаете, то он сам и ответит.

— А никакой тайны здесь и нет, — раздавшийся от двери уверенный мужской голос заставил всех дружно обернуться. — Позвольте представиться, господа, ротмистр Воронцов Петр Всеславович, честь имею. Не взыщите, что без стука, но кабинет сей в некотором роде мой.

На пороге стоял высокий мужчина лет тридцати пяти. Кавалерийский китель с серебряным аксельбантом, знаком кадетского корпуса и юнкерского училища, как влитой, сидел на стройной, мускулистой фигуре, которую, скорее, ожидалось встретить в строю кавалергардов, чем в кабинете жандармского управления. Мелодичное позвякивание шпор на высоких сапогах напомнило доктору пару строчек из стихов, которые любил напевать в минуты хорошего настроения записной сердцеед и гусар по убеждениям, поручик Дольский, серьёзно уверовавший в то, что в прошлой жизни был легендарным Бурцевым и Денисом Давыдовым, причем одновременно: «Запомни, юный друг корнет, чем громче шпоры звон, звучит пленительней сонет — шедевром станет он...»

Короткая стрижка, на лице ни единой морщинки, совершенно седые виски и — шрам. Профессиональный взгляд хирурга безошибочно идентифицировал последствия ранения холодным оружием.

Подойдя к письменному столу, он положил на столешницу несколько номеров свежих газет.

«А который теперь час, неужели уже утро?» — подумал Михаил Николаевич.

Словно отвечая на невысказанный вслух вопрос, ротмистр подтянул гири массивных напольных часов и выставил по карманному хронометру стрелки. При этом на эфесе шашки стал виден алый медальон Анны 4-й степени.

— Владислав Викторович, — обратился ротмистр к корнету, — прибыли срочные документы. Прошу вас изучить и доложить свои соображения как можно быстрее.

— Непременно, Петр Всеславович, разрешите идти?

Получив разрешение, корнет щелкнул каблуками и, попрощавшись, удалился.

— Ну-с, господа, ещё буквально полчаса, и вас доставят домой. — Очень быстро просмотрев протоколы, ротмистр отложил их в сторону и внимательно посмотрел на докторов. — Получается, нападение неизвестных. Причина не ясна, лиц не запомнили. Единственная зацепка: девица, одетая курсисткой, которая несколько нетрадиционно использует нюхательный табак. Я ничего не упустил, господа? Нет? Тогда не считите за попытку оскорбления, Михаил Николаевич, ибо господин Бартонд действительно ничего не мог видеть. Лукавите, а возможно, не хотите говорить или не можете. Боитесь?! Нет, нет, не спешите требовать сатисфакции, или же, как в русских сказках говорят, не вели казнить, вели слово молвить. Договорились? Тогда позвольте озвучить мои соображения, а засим вынесите свой вердикт. Вы уже почти год возглавляете прифронтовой госпиталь, то место, в которое не заманишь ни карьериста, ни мздоимца, ни просто бездельника. В Первопрестольной вы чуть более суток и почти сразу: с корабля — на бал, простите за каламбур, с поезда — на съезд. И, наконец, ваш неожиданный экспромт, сравнимый в некотором роде с разорвавшейся бомбой. Не стану скрывать, в соответствии с установленными правилами в зале присутствовал представитель МВД, отвечавший за контроль над порядком. И даже он, не

будучи медиком, заворуженно выслушал именно вашу речь, которую, кстати, высоко оценил сам академик Павлов.

В этот момент побледневший Михаил Николаевич вскочил со стула. От возмущения он даже не мог сразу подобрать слова:

— Милостивый государь, да вы... Как вы осмелились подслушивать приватные беседы?!

— Ну что вы, уважаемый доктор, за кого вы нас принимаете?! Вот извольте взглянуть на ночной выпуск... — И протянул ему одну из принесенных им газет. В глаза бросился заголовок на первой странице: «Нобелевский лауреат и академик Павлов рукоплещет речи патриота, прибывшего с фронта. Интервью нашего специального корреспондента».

— А после разговора с Павловым наш сотрудник случайно услышал слова гардеробщика о студентах-кокаинистах, которые назойливо пытались встретиться с вами, и сделал профессиональные выводы. Не буду посвящать в детали, но от здания университета вас с другом на расстоянии сопровождал сотрудник полиции в штатском, который, между прочим, первым и подал сигнал тревоги, помните свист? Он же слышал и состоявшийся разговор, в общем, был свидетелем от начала и до конца. И вы и сейчас продолжите утверждать, что не запомнили нападающих и не подозреваете о причине сего инцидента?

Теперь доктору пришел черед покраснеть, он не знал, что ответить, и осторожный стук в дверь показался ему спасительной отсрочкой от этой невольной, но вполне заслуженной пытки. В кабинет вошел давешний корнет, за которым последовал вахмистр с большой коробкой, прикрытой крышкой.

— Всех забрали, всё собрали, Петр Всеславович, разрешите предъявить?

И на столешницу письменного стола поочередно выложили три студенческие фуражки, два кастета, старинный, по-видимому, дуствольный пистоль и, отдельно, — завернутую в пергаментный листочек гильзу от пистолетного патрона.

— Вы, вероятнее всего, не в курсе, уважаемый Михаил Николаевич, что в Москве вот уже несколько лет действует кабинет научно-судебных экспертиз? К слову, еще перед войной, французские криминалисты объявили о возможности идентификации огнестрельного оружия по гильзе. Аналогичного мнения придерживается и тайный советник Сергей Николаевич Трегубов. Именно поэтому я настоятельно рекомендую вам, в случае утери по любым причинам пистолета, зафиксировать сей факт документально. Ибо неизвестно, в какие руки он сможет попасть. Имея эти вещественные доказательства, показания гардеробщика и нашего сотрудника, мы обратились за помощью к одним из лучших сотрудников Московской полиции и задержали двоих из нападающих, а уж они сдали своих товарищей. Кстати, разрешите вам их представить: околоточный надзиратель Дмитриев, профессиональный проводник, и его Треф.

И в кабинет, дружелюбно помахивая обрубок хвоста, зашел ведомый хозяином красавец доберман-пинчер, подойдя, деликатно обнюхал докторов, затем, усевшись возле стола, по-приятельски протянул ротмистру лапу, которую тот пожал с дружеской улыбкой. Появление красивой и добродушной собаки разрядило обстановку, тем более что Треф был любимцем москвичей и героем многочисленных криминальных хроник.

— Прошу вас, Владимир Дмитриевич, присаживайтесь и расскажите, как прошла операция? — спросил ротмистр проводника.

— Как обычно, ваше... — но увидав, как укоризненно покачал головой хозяин кабинета — поправился, — Петр Всеславович. Прибыли на место происшествия, взяли след и прошли по нему до лежбища. А дальше уже работали ваши молодцы. Тем более что — весна,

мостовая сухая, да и наследили эти архаровцы изрядно.

— Великолепно, просто великолепно, Владимир Дмитриевич. Буду ходатайствовать о вашем награждении. А вот это пока для нашего общего любимца. Треф, ты не возражаешь? — ротмистр достал из ящика стола конверт и показал его собаке. Дождавшись радостного и одобрительного «гав», передал конверт хозяину.

Когда проводник с ищейкой вышли, хозяин кабинета мгновенно согнал улыбку с лица:

— Господа, вы не являетесь сотрудниками МВД Российской империи и не состоите под следствием. Я не вправе требовать от вас подписку о неразглашении информации, которую можно отнести к секретной, прежде чем ознакомить с некоторыми фактами, но прошу дать слово чести, что всё услышанное останется между нами.

Дождавшись согласия, ротмистр обратился к Бартонду:

— Простите, Николай Петрович, а что сейчас в медицинской среде говорят о деятельности академика Павлова? Не упоминают ли в этой связи профессора Ижевского?

Бартонд вначале нехотя, а затем более увлеченно повторил то, что давеча уже рассказывал Михаилу Николаевичу.

— Так-с, значит работы в интересах обороны страны, электромагнитные поля и полное отсутствие отражения полученных результатов в научных изданиях, я ничего не упустил? Нет? Отлично, то есть очень плохо. Где-то мы допустили утечку информации, но, слава богу, без конкретики. Ничего — разберемся. Господа, дело в том, что академик Павлов возглавляет одно не совсем обычное научно-исследовательское учреждение, и если и дальше работа пойдет успешно, то это сразу почувствуют и наши войска, и тевтоны. Только вот ощущения будут противоположными. Но катастрофически не хватает времени и специалистов. Иван Петрович, как бреднем, прочесал обе столицы. Война — многие в армии или вот, как вы, Михаил Николаевич, — в прифронтовой зоне. И вот, что знаменательно, стоит найти нужного человека, так буквально из ниоткуда возникают проблемы. У профессора Ижевского в кабинете кто-то проводку испортил. И если бы не внимательность ассистента, то несколько пациентов (а среди них была очень высокопоставленная особа), могли бы отправиться в мир иной, а Павел Иванович — в Сибирь. Естественно, что все его методики мгновенно были бы объявлены вредительскими и лженаучными. Тем более что, исцеляя без лекарств, он ударил по карману фармацевтических фирм, которые чаще всего, увы, имеют немецкое происхождение. По оперативным данным уже были подготовлены разгромные публикации, запросы в Думе, но, волею Божьей, да и нашими стараниями — не вышло-с! Но не всегда всё так благостно заканчивается. Михаил Николаевич, вам знакома печальная судьба профессора Пильчикова?

— Это тот, который покончил с собой в одной из больниц Харькова, страдая душевным недугом?

— Так было сказано в официальном заключении. Самоубийство посредством выстрела из револьвера. Только вот, незадача, «бульдог» аккуратно лежал на столике рядом с кроватью. По частному мнению нескольких экспертов — это было умышленное убийство. А, кроме того, как говорили древние: «Is fecit cui prodest» — сделал тот, кому это выгодно! Область научных интересов профессора и, самое главное, реальные результаты чрезвычайно важны и, прежде всего, для сферы вооруженной борьбы. Во многом он опередил Маркони и Попова, и даже Теслу. Вопросы управления по радио боевыми судами теперь пытаются реализовать в Германии. И вот именно поэтому мы взяли под неусыпную охрану Павлова, его близких и сотрудников. И что удивительно, это вызвало горячую поддержку самого академика. Да и

нападение на вас, господа, произошедшее сразу после столь решительной отповеди, данной Михаилом Николаевичем тем, кто за красивыми фразами скрывает призыв к «топору и красному петуху», и за последующей после этого долгой беседой, — отнюдь не дикая выходка одурманенных кокаином юнцов. Вас шли убивать, потому что вы оказались нужны академику Павлову. Обратите внимание на сей, на первый взгляд, музейный экспонат, — ротмистр продемонстрировал двуствольный пистолет. — Вот извольте-с видеть: произведен на Императорском тульском оружейном заводе, заряжается с казенной части, охотничьими патронами шестнадцатого калибра — снаряжены волчьей дробью. Для приобретения и ношения разрешение не нужно. И им бы всё удалось, если б не ваше мужество, доктор, наличие эффективного оружия... подарок с фронта, если я не ошибаюсь, и оперативность наших сотрудников. И не забудьте, Михаил Николаевич, свечку поставить за здоровье тезки вашего Михаила Васильевича! Вот чутьё у старика, да и глаз видящий. Он ведь в участок позвонил, не поленился...

— Довольно, Петр Всеславович, я всё понял. Беснаказанность порождает вседозволенность. Я готов дать показания и в суде, и перед присяжными, да и мой друг добавит своё слово.

Бартонд при этих словах согласно кивнул.

— Вот и чудесно, господа. Уже светает, извозчик вас ждет, и уже знакомый вам старший унтер-офицер Иванов — тоже. Так уж случилось, что он проживает по соседству с доктором Бартондом. Вы же у него остановились? А вечером позвольте напроситься к вам в гости, хотелось бы поговорить о некоторых тайных обществах, да и о портретах в моем кабинете расскажу подробнее.

На следующее утро, загрузив всех поручениями, отправился в штаб докладывать капитану Бойко о прибытии. Пока ждал начальство, пообщался с коллегами. Правда, их было всего двое — Ломов и Дольский, причем оба как-то хитро на меня поглядывали. Не иначе, хотели устроить какую-нибудь подлянку. Но рассказ о командировке выслушали внимательно. Петра Ивановича больше заинтересовал способ добычи пироксилина, а Анатолий озадачился дальнейшей судьбой пойманных грабителей, вызвав господ из жандармской команды. На мою просьбу забрать их попозже те удивились, но не возражали. А гусар Дольский долго ржал, когда я объяснил, что действительно поставил их благоустраивать отхожие места, рассказав, что копать надо отсюда и до вечера. Естественно, под охраной казаков — от них не убегут. Разве что — на тот свет.

Валерий Антонович вскоре появился, выслушал мой доклад, похвалил за проявленную инициативу, согласился с тем, что затрофеенные винтовки я оставлю в роте, и под конец выдал:

— Да, кстати об оружии, Денис Анатольевич. У вас единственного из всех офицеров отдела шашка не соответствовала. Более того, это дошло до командующего, он даже хотел поговорить с вами лично... Но ему пришлось уехать. Поэтому мне, как вашему начальнику, приказано принять меры. Пришлось даже задействовать оружейника.

Черт, да что с моим клинком-то не так? Стандартный массовый ширпотреб Златоустовского завода! Ничего же в нем не переделывал! А чего это господа офицеры так мило улыбаются во все тридцать два зуба каждый?..

Валерий Антонович тем временем достает из сейфа мою шашку и протягивает мне... Сначала ничего не понял, потом до меня начинает доходить! На «клюве» прикреплен маленький золотистый медальон, красный эмалевый крестик в ободке, над ним — изображение короны... Краповый темляк... На самой рукояти каллиграфическим почерком выгравировано: «За храбрость»... Анненское оружие! Орден Святой Анны четвертой степени!

— Господа офицеры! Подпоручик Гуров! Поздравляю вас с первым боевым орденом! — Капитан серьезен и торжествен. Зато у остальных — улыбки до ушей. — Денис Анатольевич, я уверен, что эта награда будет не единственной. И я рад, что у меня служат такие офицеры... Вручать должен был командующий, но он — в Ставке, поэтому поручил это сделать мне в порядке исключения. С вас причитается, господин подпоручик!

— Благодарю, господин капитан!.. Валерий Антонович, как я понимаю, проверка оружия была розыгрышем?

— Ну, должны же у нас быть какие-то невинные шалости!

— Когда прикажете накрыть? — Ну, ладно, я когда-нибудь вас всех тоже разыграю. Вот тогда и похохочем.

— А давайте сегодня вечером и совершим это действо. Только в сильно урезанном составе. Весь отдел в разгоне, будут присутствующие здесь и, может быть, штабс-капитан Зайцев вернется...

Вернувшись к себе, сразу отнес Михалычу его шашку. Он, глазастый до невозможности, сразу увидел изменения, поздравил, посмеялся вместе со мной над приколами начальства, а потом новость со скоростью урагана разнеслась по казарме и все пытались ненароком

подойти поближе и посмотреть на награду. Мне это вскоре надоело, и я пообещал внеочередной марш-бросок тому, кто не знает, чем себя занять. Командирский рык быстро дошел до сознания, и все сразу занялись своими делами.

На сегодня было запланировано показательное выступление перед новичками. Сначала сходили на стрельбище, где Гриня с Митяем показали, как надо стрелять из карабинов. В смысле во всех положениях, в движении, вскакивая, падая и извращаясь всеми другими изученными способами. Потом настал черед револьверов и Митяева, который не ударил в грязь лицом. Но после показа демонстративно громко попросил меня показать хотя бы «крест». Отступать было некуда, потому со своим верным наганом пошел к мишеням. С люгером было бы удобней, но за неимением гербовой пишут на простой.

— Объясняю вводную. Вы стоите с револьвером против троих вооруженных противников — по центру, справа и слева. — Показываю на мишени. — Задача — поразить всех троих и при этом остаться в живых. Чтобы было понятней... Михалыч, дай фельдфебелю и унтерам разряженные револьверы. И потом посчитаешь... Ваша задача — пытаться удержать меня на мушке и после честно вслух сказать, сколько раз это получилось. Здесь нужно учитывать, что, во-первых, противник не сможет стрелять, если на линии огня находится его товарищ, и, во-вторых, стрелку-правше легче наводить оружие справа налево, а не наоборот. Ну, вы это сами попозже почувствуете. А теперь — начали!..

Выхожу на исходный. По команде Митяева «Пошел!» резко делаю кувырок вперед, луплю с колена два раза в центральную мишень, тут же с разворотом влево падаю на спину, выстрелы в левого «противника», кувырок назад — две пули рвут правого. Поднимаю руку, встаю. Слышу голос Михалыча: «Пять секунд!» Спрашиваю у Остапца:

— Сколько раз мог попасть в меня?

— ...Ни разу... Не успевал целиться...

Унтеры всем видом показывают, что у них такая же ерунда. Обращаюсь к пограницам, стоящим с круглыми глазами:

— Вот и вы должны научиться так же. И с карабином, и с пистолетом. Понятно?..

Потом было выступление дуэта «Андрейка и пулемет». Стоя, лежа и на ходу. Полосу препятствий показывал Егорка, мелкий, гибкий и быстрый, как ящерка. А после этого инструкторы показали рукопашный бой один на один, один против двух, один против трех. И снова Михалыч, видимо преследуя какие-то свои цели, вызвал меня на «показать». Минут пять мы с ним валяли друг друга по травке, потом согласились на дружескую ничью. Ну, а после этого устроили пострелушки. Не пожалели запасов, но все пограницы отстреляли по три патрона из трех положений. Результаты были очень даже неплохие. Значит, будем оттачивать мастерство. И овладевать новыми навыками...

В шесть вечера, как и было определено, выбритый, вымытый и отчищенный, сидел в кабинете в узком кругу и усердно выполнял ритуал обмывания ордена. Термин «клюква» мне как-то сразу не понравился. Зато теперь у моей шашки есть имя — «Аннушка»! Через час времени и две бутылки «Гданьской вудки» под жареную говядинку мы остались вдвоем — Бойко, Дольский и виновник торжества. Разговор шел ни о чем, то есть о фронтовой жизни. Анатолий притащил откуда-то гитару, исполнил несколько романсов, потом протянул инструмент мне.

— Господин подпоручик, ваша очередь!

— Да, Денис Анатольевич, сыграйте что-нибудь ОТТУДА, — пристально глядя на меня, произносит Валерий Антонович, да еще и голосом выделяет... Вот ни... ж себе!.. Немая сцена!.. Вопросительно смотрю на капитана, он медленно утвердительно кивает в ответ. Это что, будет еще один посвященный в тайну?.. Ну-ну, вы этого сами захотели!.. Перебираю струны, думаю, что ж вам, господа, преподнести. А давайте-ка начнем с чего-нибудь бодренького, в духе времени. О, придумал! Одна из песен Булата Окуджавы была любимой строевой нашего курса в Можайке.

Отшумели песни нашего полка,
Отзвенели звонкие копыта,
Пулею пробито днище котелка,
Маркитантка юная убита.

Нас осталось мало — мы, да наша боль.
Нас — немного и врагов — немного.
Живы мы, покуда — фронтовая голь,
А погибнем — райская дорога.

Услышав первые строчки, Анатолий удивленно и немного даже ревниво смотрит на меня, мол, почему не слышал до сих пор этой песни, потом внимает, улыбаясь, даже пытается аккомпанировать, барабанивая пальцами по столу, за которым сидит. Вот что хорошая музыка с человеком делает!..

Руки — на затворе, голова в тоске,
А душа уже взлетела, вроде,
Для чего мы пишем кровью на песке?
Наши письма не нужны природе.
Спите себе, братцы, все придет опять.
Новые родятся командиры,
Новые солдаты будут получать
Вечные казенные квартиры.
Спите себе, братцы, все вернется вновь,
Все должно в природе повториться,
И слова, и пули, и любовь, и кровь,

Времени не будет помириться.

Дольский едва дожидается, пока закончу песню:

— Денис Анатольевич, откуда этот шедевр? Никогда не слышал ничего подобного! Не откажите в любезности, потом напишите мне текст и напойте мотив! Очень вас прошу!

— Конечно, Анатолий Иванович, всенепременно! — Ага, сейчас тебе не до песен будет. Смотрю на Бойко, он еще раз кивает, подтверждая свои предыдущие слова. Ну, что ж, господин капитан, насколько я его узнал, ничего просто так не делает. «Клиент» созрел, то бишь настроился. Хорошо, что теперь петь будем? Что-нибудь белогвардейское из Жанны Бичевской?..

Все теперь против нас, будто мы креста не носили!
Словно аспиды мы бусурманской крови!
Даже места нам нет в ошалевшей от горя России!
И Господь нас не слышит — зови, не зови!

Дольский, поначалу настроенный на аналогичную песню, сжимает руками столешницу и впивается в меня горящими глазами. Ну да, это — как вместо марша Мендельсона услышать похоронный... Бойко неотрывно смотрит на меня...

Вот уж год мы не спим, под мундирами прячем обиду,
Ждем холопскую пулю пониже петлиц!
Вот уж год, как Тобольск отзвонил по царю панихиду!
И предали анафеме души убийц!..

— Что?!!.. Панихиду?!!.. — Анатолий вскакивает с места, стул отлетает к стене, кулаки сжаты аж до посинения.

— Анатолий Иванович!!! Возьми себя в руки! — Капитан чуть ли не силой усаживает Дольского на поднятый стул. — Дослушай до конца, потом поговорим!

Им не Бог и не Царь, им не боль и не совесть!
Все им тюрьмы долой да пожар до небес!
И судьба нам читать эту страшную повесть
В воспаленных глазах матерей да невест.
И глядят нам вослед они долго в безмолвном укор,
Как покинутый дом на дорогу из тьмы.
Отступить дальше некуда, сзади Японское море.
Здесь кончается наша Россия и мы.
В красном Питере кружится, бесится белая вьюга,
Белый иней на стенах московских церквей!
В сером небе ни радости нет, ни испуга,
Только скорбь Божьей Матери по России моей...

— Что это?! О ком эта песня?! — Дольский, будто задыхаясь, рвет воротник кителя так, что пуговица чудом остается на месте, затем снова вскакивает со стула. — Вашу ...!!!.. Японское море!.. Про кого ты пел, Денис?!

Валерий Антонович наливает полный стакан, силой впихивает ему в руку.

— Выпей! — Фраза звучит как приказ. Капитан дожидается, пока водка не исчезнет в поручике, закуривает, предлагает нам сделать то же самое. — Сейчас разговаривать будем!

— Господа, объяснитесь! Что все это значит?

— А это значит, поручик Дольский, что сейчас будет серьезный разговор. Так что приведи мысли и чувства в порядок и выслушай подпоручика Гурова. Он тебе расскажет невероятную историю.

Ну, что ж, начинаем по новой. Я скоро свою исповедь на бумаге напишу и издам крупным тиражом, чтобы язык не мозолить.

— Я — Журов Денис Анатольевич, 1977 года рождения. Старший лейтенант Военно-космических сил Российской Федерации...

По ходу моего рассказа Анатолий быстро трезвеет и немного успокаивается, только дрожащая в руке папироса выдает его взвинченное состояние. Когда я заканчиваю свою очень краткую историю, он затягивается аж до гильзы, мнет окурок в пепельнице и очень внимательно смотрит сначала на Бойко, потом на меня.

— Судя по серьезному выражению лица господина капитана — это не розыгрыш... Значит — правда. Я, признаться, задумывался иногда над вашим, Денис Анатольевич, поведением. Но относил все странности за счет особенностей характера и контузии. М-да-с... Картину вы описали ужасную... Неужели Россия-матушка до такого докатиться может? Не могу поверить. Точнее, верю, но принять не могу... И что теперь прикажете делать?

Анатолий тянется за очередной папиросой, Валерий Антонович подходит к двери, открыв ее, осматривает коридор. Затем возвращается на свое место.

— Анатолий, ты вправе задавать любые вопросы. Но сначала подумай, хочешь ли ты услышать ответы на них именно сегодня. И еще, я слышу эту историю не впервые, но до конца поверил только сейчас. Можно выдумать легенду, подтасовать факты, но придумать песни — это невозможно для одного человека.

— Да, черт возьми, у меня очень много вопросов к Денису... Анатольевичу!.. Вы назвали эту песню белоэмигрантской... Белое движение — это, по-вашему, стремление российского офицерского корпуса восстановить статус-кво в стране... Если вы — посланник... Посланец...

— Попаданец, блин!

— Да... попаданец из будущего, то должны знать и какие-то песни этих... как их... большевиков! Можете исполнить?

— Да, пожалуйста! — Срочно вспоминаем «Собачье сердце» и куплеты Шарикова:

Эх, яблочко
Да с голубикою,
Подходи, буржуй,
Глазик выколю!
Глазик выколю,
Другой останется,
Чтоб видал, г...но,

Кому кланяться!

Нравится? Ага, аж желваки по скулам гуляют... А есть и другое...

Белая армия, черный барон
Снова готовят нам царский трон!
Но от тайги до британских морей
Красная армия всех сильнее...

А есть еще гимн, называется — «Интернационал»:

Вставай, проклятьем залеймённый,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов.
Никто не даст нам избавленья:
Ни бог, ни царь и ни герой.
Добьёмся мы освобожденья
Своею собственной рукой...

— Гимн рабов!..

— Если так рассуждать, Анатолий Иванович, то перед вами — правнук тех рабов. И что, чем я отличаюсь от других? Может, вы укажете мне, как рабу и быдлу, мое место?..

Дольский замирает с открытым ртом. Вот так! Клин клином вышибают. А то, что-то он слишком эмоционален. Пусть охолонет.

— Анатоль, прекрати истерить! То, что ты — потомственный дворянин и кадровый офицер, не дает тебе права так себя вести! — Валерий Антонович вновь усаживает поручика на место и наливает еще один стакан «успокоительного». Потом поворачивается ко мне. — Денис Анатольевич, вы к нам не присоединитесь?..

Следующий день был богат на события. Три из них были приятными. Во-первых, как и обещал, съездил в 53-й Сибирский полк к Семену и его артели. Приказ из штаба армии и отеческое наставление полкового священника отца Федора, которому до этого передал письмо от благочинного отца Александра, сделали свое дело. Теперь у меня еще и пятеро сибиряков, целое снайперское отделение. Правда, ствол с оптикой только один, но это — пока. Зато есть еще «глухой» штурцер Жирардини, который уже привели в боевое состояние и даже пристреляли.

Во-вторых, «племяшка» Ганна принята на военную службу в качестве вольнонаемного кашевара пограничной сотни. С принятием присяги, зачислением в штат, выдачей обмундирования и головной болью — как её научить разговаривать нормальным армейским языком. Пока что вместо «Так точно» и «Никак нет» — одни «Ага» и «Не-а». Федора, что ли, попросить? Я эту сладкую парочку частенько по вечерам вместе вижу. Вот пусть заодно он будущую жену и поучит. Еще одна проблема заключалась в опасности для всех заработать косоглазие после того, как девушка переоделась в гимнастерку и галифе с обмотками. Переоделась, правда, с трудом — стеснялась надеть на себя штаны. Только отеческое внушение отца Александра и помогло. В том смысле, что если уж воинство от постов освобождается в войну, то одинаковую форму носить сам Господь велел. А я сам себя ловил на том, что как только вижу стройную фигурку в форме, непроизвольно вспоминается знаменитое кутузовское «Корнет, вы — женщина?» в исполнении Ильинского.

В-третьих, прибыли обещанные вольноопределяющиеся из студентов. Два горняка и один химик. Они сейчас устраиваются в казарме и, надеюсь, знакомятся с остальными. А я пока следую на беседу к начальству, о которой договорились вчера вечером. Дольский под конец «концерта» почти успокоился и стал вполне адекватным. А Валерий Антонович в приказном порядке попросил нас сегодня к шести вечера прибыть для важного разговора. Вот и тороплюсь, чтобы не опоздать.

Перед штабом меня перехватывает Анатолий Иванович и сразу берет быка за рога.

— Добрый вечер, Денис Анатольевич, не торопитесь, начальство еще не вернулось с совещания... Господин подпоручик, приношу свои извинения, если мои вчерашние слова показались вам обидными и оскорбительными. Право слово, абсолютно ничего против вас не имею, просто события прошлого вечера выбили из колеи.

— Анатолий Иванович, и в мыслях не имел обижаться. Потому как не за что. Если бы мне такое сообщили, даже не представляю, как бы себя повел.

— ...Тогда у меня есть предложение — перейти на «ты», хоть и не пили брудершафт.

— Согласен. А насчет брудершафта — еще успеем...

Валерий Антонович собрал нас в пустом кабинете, предупредил, что разговор будет очень секретным и, возможно, долгим.

— Я планировал рассказать тебе, Анатоль, все немного позже, но появились форс-мажорные обстоятельства, поэтому необходимо поговорить начистоту и каждому из нас принять определенное решение... Ты уже представил картину, что ждет нас в будущем. Денис Анатольевич расписал все красочно. Но сейчас у меня к этой картине маленький штришок. Когда я был в штабе фронта, имел интересную беседу с бывшими коллегами по Академии. Разговор велся намеками, но... Во-первых, почти достоверно известно, что царь

снимет Ник Ника с поста верховного, а во-вторых, мне дали недвусмысленно понять, что скоро, возможно, придется делать выбор между двумя императорами... Николаем II Александровичем и Николаем III Николаевичем. И происходить это будет, скорее всего, когда император приедет в Ставку. За него будет только лейб-конвой, а за великого князя... Я так думаю, он сможет собрать в Ставке куда больше своих сторонников.

Ага, а там и до удара табакеркой в висок недалеко. Будут еще одни геморрагические колики... Охренеть! Вот так новости!.. Мало нам немцев, так еще и между собой драться начнем на два года раньше! А, собственно, в чем проблема? На чьей стороне подпоручик Гуров? Так это не вопрос — на стороне России. Да и коней на переправе не меняют... А что это все на меня так смотрят?

— Господа, если вас интересуют мои пристрастия, то отвечаю честно: из двух зол выбирают наименьшее. Я — за Россию с ныне здравствующим императором.

Валерий Антонович кивает в знак того, что ответ принимается, затем поворачивается к Дольскому:

— Поручик?

— Господин капитан, я еще по выпуску из Николаевского кавалерийского училища присягал императору, — Анатолий машинально притрагивается к училищному значку, золотому имперскому орлу с орденом Андрея Первозванного на кителе, — поэтому считаю вопрос излишним.

— Ну, что ж, я — тоже за императора Николая Александровича... Тогда возникает вопрос: что мы можем сделать в этой ситуации? И можем ли вообще? Меня выспрашивал насчет двух императоров полковник Генерального штаба. Учились вместе, вот он по старой дружбе и решил узнать настроения офицеров второй армии. Служит он сам в штабе фронта, а куда от него ниточки тянутся, я даже не берусь предположить. Может быть, и к самому великому князю. Неравные весовые категории получаются. Вариант с предупреждением царя считаю неверным. Нам просто никто не поверит, даже если письмо и дойдет до адресата... Я просмотрю еще раз стенограммы, которые вы, Денис Анатольевич, от графа привезли. Может быть, там кто-нибудь проявится по этому вопросу по старой памяти. Тогда хоть будет, за что зацепиться.

— Что мы имеем в плюсе? — Дольский начинает рассуждать вслух. — Три офицера разведотдела армии и, возможно, пара десятков казаков Дениса Анатольевича. Да и тем надо умудриться объяснить ситуацию так, чтобы сомнений не было. А с той стороны — сторонники Ник Ника, и я думаю, их поболее нас будет. Тем более, мы не знаем, кто они...

Так, думай, Денис, думай! Черт, грохнуть великого князя для остротки, что ли?.. Типа, нет человека — нет проблемы. Стоп!.. А вот грохать никого не надо! Достаточно напугать до мокрых подштанников. И не самого Ник Ника, а... хотя бы того самого полковника. А там пойдет цепная реакция.

— Валерий Антонович, кажется, я знаю, что делать. Своих казаков я смогу убедить. Двадцать человек, шестнадцать пулеметов, маузер с оптикой, — если все это правильно и, главное, вовремя расставить в Ставке... У противника шансов не остается. В любом случае, прикрыть императора и дать ему уйти мы сможем. И сами уйдем. Нам только нужно быть там заблаговременно и, желательно, иметь под рукой пару автомобилей... И вот еще, я должен быть уверен в том, что ваш полковник — действительно человек великого князя. Если это так, то прямо сейчас мне нужны его фамилия, один человек в помощь и липовая командировка на два-три дня куда-нибудь подальше от штаба фронта.

— Что вы задумали, Денис Анатольевич?

— Господин капитан, вам известно латинское изречение «Praemonitus praemunitus» — «Предупрежден — значит вооружен»? Я хочу устроить маленький спектакль для одного зрителя под этим девизом...

Перед убытием в командировку я взял в нашей оружейке немецкую гранату-«шарик», потом нашел Платона, чьи навыки резчика получили известность и потому в данный момент вырезавшего для поручика Дольского шахматы в качестве мастер-класса, и поручил ему срочную и очень важную работу...

* * *

Полковник Шубин возвращался на квартиру в прекраснейшем расположении духа. Помимо удачно складывающихся личных дел, не имеющих особо отношения к службе, но приносящих определенный доход, ему удалось найти для своего «суверена» еще нескольких офицеров, согласившихся на некоторые действия, которые в случае удачного завершения, могли открыть перед ними очень радужные перспективы. На фразу дежурного по штабу о том, что его спрашивал какой-то подпоручик, полковник не обратил внимания. Мало ли обер-офицеров крутится в Ставке. Будучи полностью погруженным в свои мысли, он потянул на себя ручку двери в свою комнату...

Натянутая бечевка сдернула немецкую Kugelhandgranate 13 с вешалки у входа, ребристый «мячик» полетел вниз, у самого пола своей тяжестью выдернул терку из собственного запала, и в сторону внезапно остолебневшего полковника вырвался небольшой факел. Ухнули куда-то в пустоту приятные мысли о будущей карьере. Граница между жизнью и смертью была заключена в маленькой латунной трубочке, внутри которой догорала пороховая мякоть... Секунды неторопливо текли мимо, шипение пламени прекратилось, а граната всё не взрывалась. Каким-то подсознательным чувством полковник понял, что ничего больше не будет, но унять зашедшееся сердце и сдвинуть с места непослушные ноги смог далеко не сразу...

Вот уже полчаса он сидел возле стола и бездумно смотрел на лежащую перед ним выкрашенную черным деревянную колобашку, которой неизвестный умелец смог талантливо придать форму гранаты, и запечатанный конверт с именем адресата, который так и не решался взять в дрожащие руки...

На следующий день полковник был в кабинете верховного. Высоченный худющий генерал от кавалерии, похожий на Дон Кихота своими усами и бородкой, и его «Санчо Панса» молча смотрели на лежащий перед ними лист бумаги с отпечатанной на пишущей машинке единственной фразой: «Полковник, боевых гранат хватит и на тебя, и на других заговорщиков вне зависимости от ранга. Молись почаще: ...и не введи нас во искушение, но избави нас от Лукавого!»

Из командировки я вернулся вовремя. Доложился по команде, рассказал подробности. Валерий Антонович в свою очередь поведал, что договорился с «нужными людьми», которые смогут сообщить за сутки о прибытии интересующей персоны. Потом, видя наше с Дольским удивление, пояснил, что агентов в высших сферах у него нет, просто за сутки до приезда Ставку по телеграфу должны уведомить об увеличении количества едоков. И теперь — не только тыловики, но и разведотдел 2-й армии. Теперь оставалось только ждать

дальнейшего развития событий...

Интерлюдия. Гауптман

В небольшом ресторанчике «Фатерланд» на Унтер-ден-Линден было немногочленно, если учесть, что в столь раннее время все честные немцы должны быть на своих рабочих местах и трудиться во имя доброго кайзера Вильгельма II и скорейшей победы Германии в этой войне, тем более что все мужчины Германии давно были приучены к трем мужским буквам К — «Кайзер, Кригс, Канонен» в отличие от четырех женских — «Киндер, Кирхен, Кюхен, Клейдер». Род фон Штайнбергов не являлся исключением, исправно поставлял для службы Родине образцовых офицеров... До недавнего времени.

Механическое пианино «Вурлитцер», стоявшее в углу, меланхолично наигрывало «Ах, мой милый Августин», что как нельзя лучше соответствовало ходу мыслей одиноко сидящего гауптмана. Как только мелодия заканчивалась, офицер поднимался из-за стола и запускал песенку заново, бросая монетку в щель и нажимая нужную клавишу, а затем возвращался на место. Официант, вот уже несколько дней обслуживавший мрачного посетителя, наряду с немногочисленными завсегдатаями, старался не обращать внимания на эти причуды. В конце концов, если германский офицер что-то делает, то, значит, так и должно быть.

Генрих фон Штайнберг поставил коньячную рюмку на стол и угрюмо посмотрел на четыре уже пустые, стоявшие перед ним ровной шеренгой, как солдаты на плацу. Гауптман саркастически усмехнулся. Еще пару недель назад он командовал авиаотрядом, летал на своей «птичке» над бескрайними русскими просторами, если, конечно, Польшу можно считать русской. Были рутинные разведывательные вылеты, были бомбежки русских окопов и немногочисленные, но ожесточенные схватки с русскими авиаторами. Вот именно — были!.. А теперь благодаря ветреной девке Фортуне он, потомок древнего рода, вынужден маяться в неведении в «Эксельсиоре», известном «джентльменскими вечерами» кайзера Вильгельма и ждать решения своей дальнейшей судьбы штабными крысами из Военного министерства. Про столь любимую авиацию можно теперь забыть навсегда. Может статься, сделают командиром пехотной роты, и он будет вкушать все прелести окопного быта наряду с солдатами. Причем это — еще не самый худший вариант. Ему уже несколько раз намекали, что возможно такое назначение, после которого выход только один — пуля в висок из собственного пистолета. Им всем нужен козел отпущения из-за истории с оберст-лётнантом. И он, гауптман фон Штайнберг, для этого как нельзя лучше подходит. Приятельски беседовал с противником, был отпущен на свободу. А то, что спас техников и пилотов, кроме отравившихся по собственной глупости, — об этом никто не хочет вспоминать... Марки тают очень быстро. Но все-таки их должно хватить, чтобы продержаться до конца. До любого конца... И все из-за того проклятого русского лётнанта с его казаками, возникших ниоткуда в ночной тьме, как черти из преисподней. Как им это удалось, он до сих пор не может понять, хоть и неоднократно расспрашивал всех оставшихся в живых.

Гауптман поднял руку и щелкнул пальцами, подзывая официанта с очередной полной рюмкой. Тот, изучивший за несколько дней пристрастия молчаливого угрюмого офицера, поспешил к столику с подносыком в руках. Пригубив очередную порцию коньяка, фон Штайнберг еще раз пересчитал рюмки, стоявшие на столе. Шесть, включая только что

принесенную. Дьявольское число. Три шестерки — число Зверя по Библии... Вот и он выпьет три раза по шесть рюмок, чтобы забыться, и побредет в гостиницу, желая уснуть и вычеркнуть из жизни очередной день, не принеся никакой ясности и определенности.

Фон Штайнберг обвел ословелым взглядом зал ресторана. За соседним столиком сидели двое господ, по внешнему виду похожих на банковских служащих и о чем-то негромко переговаривавшихся. Еще один стол занимала какая-то парочка, мужская половина которой, по-видимому, сгорала от нетерпения, а женская старалась как можно дольше продлить удовольствие и намекала на необходимость повторения заказа. Никто не обращал внимания на офицера, погруженного в свои мысли и неторопливо тянущего коньяк, уткнувшись взглядом в ряд рюмок... В следующий момент Фортуна еще раз доказала свою изменчивость.

— Вы позволите, герр офицер? — раздался над ухом негромкий голос. Штайнберг недовольно поднял глаза на вопрошавшего. Рядом стоял один из банковских клерков с соседнего столика. Не дожидаясь разрешения, мужчина уселся на стул.

— Что вам надо? — раздраженно буркнул гауптман, поняв, что день все же пойдет не так, как он запланировал.

— Совершенный пустяк. Мне интересно, насколько глубоко барон Генрих фон Штайнберг погрузился в отчаяние и как долго он собирается заливать его коньяком.

Гауптман хотел уже было всплыть, но тут до него дошло, что незнакомцу просто неоткуда знать его имя.

— Кто вы такой? Откуда знаете, как меня зовут?

— Нам известно очень многое о вас, герр гауптман. Но я озвучу лишь то, что в данный момент имеет значение. Если мой рассказ покажется вам неинтересным, я тут же откланяюсь. Если же нет, я представлюсь и мы сможем продолжить разговор... Итак... Гауптман Генрих фон Штайнберг, до недавнего времени командовавший авиаотрядом, приданным третьему резервному корпусу. Отличный командир, грамотный в военном и техническом отношении. Храбрый пилот. Имеет одну личную победу в воздушном бою... Во время передислокации отряд уничтожен русскими казаками. Точнее, уничтожены аэропланы и вся техника. Личный состав за исключением нескольких человек, погибших при нападении, отпущен во главе со своим командиром на свободу. Как утверждает один из очевидцев, гауптман фон Штайнберг при этом довольно мило беседовал с командиром русских. Кстати, вы не вспомните его имя?

— Если вы интересуетесь русским офицером, то его зовут... Деннис Гурофф, лейтенант Российской армии. Очевидца же зовут Ганс Обермайер, он служит водителем при штабе корпуса. Лысец, подхалим и сволочь! И, черт возьми, русский офицер вел себя не в пример честней и благородней, чем эта лакейская свинья... А откуда, собственно, вам все это известно?

— Извините, герр гауптман, я все же продолжу сначала свой рассказ, тем более что он уже подходит к концу. После служебного расследования вы отстранены от должности и направлены в распоряжение Генерального штаба. Находитесь в Берлине вот уже неделю, постоянно бываете в этом ресторанчике, где и пытаетесь уничтожить запасы коньяка в Фатерлянде. Я прав? Разговор вам интересен?

— Да кто вы такой, черт подери?! Откуда все знаете?

— Дело в том, что вы заинтересовали своим рапортом о случившемся нашу организацию. Именно поэтому я сейчас с вами разговариваю. Если уж вам так интересно, я

— майор Хельмут фон Тельхейм, представляю отдел III-b Генерального штаба.

— А, господа шпионы! Хотите меня завербовать?

— Не шпионы, гауптман, а разведчики. Граф, в имении которого был уничтожен ваш отряд, являлся шпионом, потому что был гражданским лицом и, невзирая на напыщенные речи о своем служении Рейху, деньги брал исправно и даже с жадностью. И должен сказать — не только у нас. То, что его пристрелили русские, вполне закономерно, они просто несколько опередили события. Рано или поздно это пришлось бы сделать нам... В какой-то мере они свершили благое дело, прикончив его, потому что негодяям верить нельзя... Я хочу, чтобы вы поняли — у вас два варианта. Первый: вы отказываетесь от сотрудничества и уже завтра получаете назначение командиром роты на фронт. И второй: вы принимаете наше предложение и работаете в разведке. Тем более что вы это уже делали со своими авиаторами. Поймите, Генрих, помимо явной войны с пушками, солдатами, окопами идет еще и тайная война, которая по ожесточенности не уступает первой. Разве не долг каждого честного немца служить Фатерлянду? На том месте, где он может принести наибольшую пользу. Вы в училище изучали историю. Скажите мне, пожалуйста, могли бы наши генералы так быстро победить лягушатников и промаршировать по Парижу, если бы не разведка Вилли Штибера, которая могла сообщить все вплоть до того, какой кофе заваривают на завтрак солдаты противника. Кстати, во время русско-японской войны эту функцию выполняли самураи древних родов, а иные — в генеральском звании, отнюдь не считая это занятие недостойным. В Порт-Артуре, например, подрядчиком по очистке нечистот был помощник начальника штаба осадной третьей японской армии. Его частые поездки по городу под видом китайца, сидящего на бочке для нечистот, оказались чрезвычайно полезными для генерала Ноги...

Подумайте о нашем предложении. Хотя я по вашим глазам вижу, что вы почти согласились. Завтра в девять часов в гостиницу за вами зайдет вот этот молодой человек. — «Клерк» кивает на соседний столик. — Он сопровождает вас для дальнейшей беседы... Кстати, может быть, говорю это преждевременно, но я привык доверять интуиции. Вы ведь жаждете реванша с тем лейтенантом Гуроффым? Поиск его и будет вашим первым заданием... И — дружеский совет, гауптман: не злоупотребляйте коньяком. Спиртное вредно пилоту, а вам, возможно, еще придется летать и немало...

Нервное напряжение, в котором оба доктора находились последние часы, сменилось закономерной апатией. Практически весь путь домой они продремали под негромкий мерный цокот копыт, а, уж добравшись до обволакивающей неги диванов, отдали достойную дань объятиям Морфея. Тем более что домработница ещё накануне была награждена внеплановым выходным, и друзья были избавлены и от ее сердобольных охов и ахов, и от допроса с пристрастием на правах домоправительницы со стажем. Проснулись они почти одновременно благодаря бодрящей свежести, которая являлась следствием непротопленной печи, и смутной мысли о некоем обязательстве, выданном на сей вечер. Часы неспешно с достоинством отбили шесть ударов, и одновременно с последним раздался звонок в дверь.

«Ротмистр!» — именно эта мысль в сочетании с некими, не совсем лицеприятными комментариями по поводу собственной забывчивости, пронзила мозги обоих эскулапов и подстегнула к немедленному действию.

Михаил Николаевич, словно перейдя в славное пролетарское сословие истопников, лихорадочно попытался реанимировать печь, а Бартонд, натянув тужурку на мятую рубашку, с красными от смущения щеками направился к двери.

Надо отдать должное ротмистру, едва зайдя в комнату, он мгновенно оценил несколько натянутую атмосферу и с ловкостью профессионального психолога мгновенно её разрядил.

— Михаил Николаевич, позвольте вам помочь. Разжигать печь — это моё любимое занятие ещё с детства. Помнится, маменька, наказывая за шалости меня или младшую сестру, лишала кого-то из нас этого почетного права.

Мягко, но настойчиво он оттеснил доктора от заупрямившейся печки, он как-то по-особому переложил поленца, щелкнул зажигалкой, и через несколько минут языки огня заплясали, словно подраживая неудавшегося Прометея. Повернувшись к Михаилу Николаевичу, ротмистр поразил собеседника выражением лица. Оно было по-детски беззащитным, в уголках глаз что-то блеснуло. Желая проверить неожиданно пронзившую его мысль, доктор спросил:

— А ваша сестра, она, скорее всего, уже замужем и, вероятно, сама учит детей этому хитрому искусству?

— ...Увы, нет. Она, а точнее они... В общем, пока я рубился с японцами... Революция, бунты. Дома сгорали порой отнюдь не пустые... Собственно, поэтому я и перешел в Корпус, и буду служить и драться пока... Пока не воздастся по грехам их... Но полноте, господа, довольно о прошлом.

В комнате между тем стало теплее, и Петр Всеславович, с разрешения хозяина, расстегнул пиджак и снял галстук.

— Николай Петрович, прошу меня простить, но я позволил себе прийти не с пустыми руками. — Из небольшой плетеной корзины с крышкой ротмистр извлек пару бутылок «Ай-Даниль» Пино Гри, пакет с фруктовыми пирогами и сыром. Хозяину ничего не оставалось, как мысленно проклиная несвойственную ему забывчивость, направится к буфету за необходимой сервировкой. По предложению ротмистра кресла были передвинуты поближе к печке, на невысоком столике возле блюда с пирогами и сыром в отсветах огня темно-янтарным цветом переливалось вино в хрустальных бокалах, тонкий аромат айвы, гречишного меда и пряной гвоздики радовал обоняние.

— Вы, помните господ, слова Пушкина, — нарушил затянувшиеся молчание ротмистр.

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель...

Еще будучи юнкерами, мы с друзьями любили их напевать на манер гусарского романса, вот так же возле огня...

Где до утра слово «пей!»
Заглушает крики песен,
Где просторен круг гостей,
А кружок бутылок тесен.

Но я обещал кое-что рассказать и поэтому не смею долго испытывать ваше терпение. — Ротмистр сделал небольшой глоток вина. — Замечательный букет, 1880 год. Он для меня символичен тем, что спустя несколько месяцев был подло убит государь-освободитель Александр Николаевич и на его тризне родилась Священная дружина. По вашим лицам, господ, я вижу, что это название вам мало что говорит. А вот мой отец, служивший под началом генерала Фадеева, успел мне многое поведать об этих замечательных людях и о той святой цели, которой они служили. Увы, это движение, поставившее перед собой задачу борьбы с революционным террором, было распушено крепко державшим штурвал Руси императором Александром Третьим. Теперь на престоле Николай Александрович, а у гидры террора, подобно ее мифической тезке, выросли новые, еще более ядовитые и смертоносные головы. И, боюсь, что, обладая император даже силой Геракла, ему не одолеть ее в одиночку. Тем более что он, увы, не может похвастаться теми талантами, которые были у его венценосного прадеда и отца — Николая Павловича и Александра Александровича. Эти люди сумели победить самого страшного врага — внутреннего, обуздать придворную камарилью, всех этих Романовых в энном колене, уверовавших, что кровь далекого общего предка дает им индульгенцию от всего и право на всё. И, главное, зачастую они являются яркими германо- или англофилами. Последнее, пожалуй, страшнее всего.

— Простите, Петр Всеславович, но англичане же — наши друзья и союзники, и мы вместе противостоим тевтонам, — возразил Бартонд.

— Ах, доктор, доктор. — Укоризненно покачал головой ротмистр. — Запомнили вы, что писал вышеупомянутый Александр Сергеевич: «Врагов имеет в мире всяк, Но от друзей спаси нас, Боже!» Мне гораздо менее отвратительны тевтоны, хотя бы тем, что они не скрывают своей враждебности, а островитяне... Если вспомнить историю всех российских смут, то практически всегда найдутся ниточки, тянущиеся на Остров. Для этих джентльменов мы все — от последнего трубочиста и до академика или генерала — не люди, а дикари, которые имеют наглость жить в такой богатой стране. Мой дед бился с горцами на Кавказе, отец сражался в Средней Азии, и везде были английские деньги, английское оружие, английские инструкторы. Да и за японцами маячили Сити и Роял-Неви. Где и на чьи

деньги печатал свои издания господин Герцен? Кто стоял за декабристами, в планах которых было убийство всей правящей царской семьи? С легкой руки Пушкина мы привыкли идеализировать этих господ. Да простят меня боги Парнаса, но:

И так, декабрь, Сенатский плац
На нем — квадратом батальоны.
В гимназии учили нас:
Что поднялись они в ответ на стоны,

На стоны угнетенных крепостных,
В ярмо закованных кровавым Николаем.
Но так ли уж чисты деянья их?
А может, мы не все об этом знаем?..

Время бежало незаметно. Оба доктора завороженно слушали ротмистра, который периодически подкладывая полешки в печь, говорил, говорил, говорил... Это был не похожий ни на что монолог, лишь изредка перебиваемый вопросом или возгласом несогласия. Впрочем, с каждым сказанным словом этих возгласов становилось все меньше. В этой не то лекции, не то исповеди перемешались и дела давно минувших дней, и то, о чем писали совсем недавно газеты, или перешептывались обыватели — многовековая ложь от кровавого маньяка на троне и убийцы собственного сына, до пригревших Герцена и поздних марксистов английских банкиров, до сих пор щедро отпускающих фунты на развал России, и британских адмиралов, поспособствовавших прорыву Гебена и Бреслау в Черное море, поближе к российским рубежам, нанеся этим сильнейший удар по ее торговле.

— Все, что Россия покупает за золото у так называемых «союзников», друзья мои, все, к чему имели отношение британцы, оказывается никуда не годным, — с горечью продолжил ротмистр, — к нам относятся так, как будто мы попрошайки, стоящие с протянутой рукой. Условия зачастую кабальные или просто унижительные. И это не моё мнение, а заключение профессора Бахметьева. Борис Александрович считает, что это не ошибки или разгильдяйство, а целенаправленная подрывная деятельность, способствующая ослаблению Российской империи и уничтожению её армии... — Видимо, высказав наиболее болезненное, ротмистр замолчал и несколько минут просто смотрел на огонь.

Николай Петрович, никогда не отличавшийся флегматичностью, прервал затянувшуюся паузу извечным русским вопросом, прозвучавшим как вскрик:

— Петр Всеславович, так что же делать?! Просто сидеть и ждать неизбежного? Или все-таки как-то можно с этим бороться?

— Это зависит от того, какую цель вы перед собой ставите. — Усмехнулся ротмистр. — На этот вопрос в разное время пытались давать ответ и известный вам господин Чернышевский, и более знакомый нам присяжный поверенный Ульянов. Надеюсь, что всем здесь присутствующим не по пути с этими оракулами?.. Нет? Отлично. Тогда нам предстоит тяжелая, опасная и, скажу сразу, неблагодарная работа. Представьте себе, что чистящий Авгиевы конюшни Геракл был бы вынужден отбиваться одновременно от Стимфальских птиц и Эриманфского вепря... Но вы, господа, уже вступили на этот путь. Ваша отповедь, Михаил Николаевич, данная на съезде противникам России, — это ваш первый выстрел по

врагу. Но в одиночку победить невозможно...

Есть патриоты, господа, начавшие возрождение Священной дружины, и ваш покорный слуга имеет честь в ней состоять. Только мы не должны повторять ошибок прошлого. В этой когорте должны быть лучшие сыны Отечества, невзирая на сословную принадлежность, возраст и вероисповедание. Мы должны подняться над предубеждениями, вернуться к тем основам, на которых Минин и Пожарский возрождали Россию. И я рад, господа, что могу сообщить вам, что академик Павлов — один из нас. Но мы не должны стать некой сектой, таким орденом иезуитов на российский манер. Иван Петрович как-то сказал, что мы должны сохранить холодные головы, горячие сердца и чистые руки. Я не знаю, кому принадлежат эти слова, но именно так действовал генерал Бенкендорф, чей портрет висит в моем кабинете. Александр Христофорович всю жизнь хранил чистый платок, подаренный ему императором Николаем I со словами: «Вот тебе все инструкции. Чем более отрешь слез этим платком, тем вернее будешь служить моим целям!» У каждого из нас, кто хочет принести реальную помощь стране, должен быть такой «платок»...

Настенные часы, купленные, наверное, еще отцом Николая Петровича, начали отбивать очередной час. И с каждым ударом становилось понятно, что сегодняшний вечер приблизился к завершению.

— Благодарю покорно, господа, за приятно проведенный вечер. — Ротмистр тоже это понял. — Прошу извинить, время уже позднее, и я вынужден откланяться.

— Петр Всеславович, бога ради, останьтесь! Мы ведь только начали беседу. Да и Михаил Николаевич только на два дня сумел вырваться! — Было заметно, что Бартонду до смерти не хотелось отпускать гостя.

— Прошу еще раз простить, время уже позднее, сегодняшний день и так преподнес вам слишком много впечатлений. Если же захотите продолжить разговор, завтра я вас навещу. Честь имею, господа!..

После ухода ротмистра два доктора еще долго обсуждали рассказанное гостем и строили различные версии того, что произойдет или может произойти в ближайшем будущем и с ними, и с империей в целом.

* * *

Утром Михаил Николаевич прибыл в Московское управление РОККа, чтобы сдать документы по госпиталю и получить новое назначение. Молодой чиновник, принимавший бумаги, остановился взглядом на фамилии доктора, потом сверился с каким-то списком, лежавшим на столе, после чего произнес:

— Вам, милостивый государь, для получения новой вакансии придется обождать пару дней. Да, для вас тут оставлено письмо, будьте любезны забрать.

Доктор с недоумением посмотрел на конверт и, не найдя подписи отправителя, вскрыл его и достал небольшой листок бумаги, на котором было написано торопливым почерком:

«Уважаемый Михаил Николаевич!

Не откажите в любезности еще раз побеседовать со мной и Петром Всеславовичем!

Павлов».

Михаилу Николаевичу хотелось не спеша, обстоятельно проанализировать события последних часов, а посему он немедленно отправился на квартиру к Бартонду, запасные ключи от которой ему вручил накануне предусмотрительный хозяин. Прибыв на место, доктор собственноручно заварил в объемистом фарфоровом чайнике ароматный напиток, прихватил связку баранок и занял место за письменным столом. В списке неотложных дел, который он набросал на листе бумаги, на первом месте стояло — немедленно связаться с капитаном Бойко и Гуровым. Но долго заниматься планированием ему не дал Николай Петрович, который, не раздеваясь, вбежал в комнату, потрясая каким-то конвертом, и, едва отдышавшись, почти прокричал своему другу:

— Миша, может, ты объяснишь, что значит сия бумага?

На бланке университета было начертано предписание, в соответствии с которым приват-доцент Николай Петрович Бартонд откомандировывался в распоряжение верховного начальника санитарной и эвакуационной части всех фронтов, генерала от инфантерии его высочества принца Ольденбургского.

— Не торопись, Николай, сейчас разберемся, а пока попей чайку.

В самый разгар чаепития в дверь позвонили, а через мгновение на пороге появилась фигура ротмистра Воронцова.

— Господа, прошу меня простить за столь бесцеремонное вторжение, но дверь была не заперта. Я к вам с новостями от академика Павлова.

— Подождите, с новостями, уважаемый Петр Всеславович. Возможно, вы сможете объяснить столь неожиданные изменения в моей судьбе? — С этими словами Бартонд передал ротмистру предписание.

— Успокойтесь господа, как раз об этом я и хотел с вами переговорить. Кстати, Николай Петрович, вы не один, кто получил подобный приказ. Ваш покорный слуга, по согласованию с товарищем министра внутренних дел, командующим отдельным корпусом жандармов, свиты его величества генерал-майора Джунковского также откомандирован в распоряжение принца Ольденбургского. Да и вы, Михаил Николаевич, по моим данным получите аналогичный документ. А сейчас, господа, у нас просто нет времени на разговоры. Я взял на себя приятную обязанность передать вам письменное приглашение его высочества прибыть на церемонию награждения «За полезные обществу труды», которая состоится в четыре часа пополудни во дворце генерал-губернатора. Я, как уже видите, в парадном мундире, а вам предстоит примерка подходящего сему случаю костюма. — Ротмистр крикнул по направлению к двери. — Егор, заноси!

В комнату вошел молодой унтер, сжимающий в каждой руке вешалку с фраком. Ошеломленные врачи быстро переоделись. К их невероятному удивлению, костюмы подошли идеально, что не могло не вызвать общий вопрос к ротмистру, который доктора произнесли практически хором:

— Петр Вячеславович, но как и когда вы сумели?!..

Ротмистр был явно доволен тем, что сюрприз удался, пообещал все подробно объяснить попозже и в заключение произнес:

— Академик Павлов, попав в аналогичную ситуацию, рассмеялся и сказал мне: «В тайной канцелярии есть всё!» И я с ним полностью согласен. В путь, господа, автомобиль ждет.

Поездка заняла минут пятнадцать, и за это время Петр Всеславович лаконично рассказал о предыстории сего события.

— Скажу вам по секрету, господа, что среди весьма обширного списка награжденных есть бесспорный фаворит. И решение посетить Москву и лично вручить ему орден Святой Анны третьей степени, подвигло его высочество принца Ольденбургского несколько изменить график своих переездов. Но это того стоит. То, что сделал сей достойный негоциант, так или иначе, повлияет на судьбы сотен людей. И мы с вами, господа, в их числе. А дело было так: в начале апреля, в Петроград приехал из Сибири один из купцов Сычовых. Из старообрядцев, в летах, хотя иного молодого за пояс заткнет. Состояние богатейшее, а единственный наследник, юноша двадцати годов, подхватил пневмонию. Отец всех светил медицинских созвал, в пояс кланялся, золотом осыпал, а сыну все хуже. А тут как раз академик Павлов к профессору Ижевскому приехал, новый генератор электромагнитный привез. Так Сычов-старший, не поверите, в полночь в гостиницу к Ивану Петровичу прорвался. Я как раз соседний номер занимал и все сам слышал. Дверь буквально с петель снес, на колени упал, плачет и просит сына спасти. Обещал половину капитала отписать.

— И что академик? — заинтересованно спросил Михаил Николаевич. — К нам на передовую лишь слухи доходили да статьи газетные. Иные щелкоперы имели наглость писать, что, мол, Нобелевский лауреат заработать на горе чужом решил, златому тельцу поддался. А излечив больного, куш урвал, не побрезговав.

— То, что юношу с того света вытащили, — это святая правда. А насчет злата... Когда Сычов со стряпчим приехал, дабы слово купеческое исполнить и половину имущества на Ивана Петровича переписать, тот ни копейки не взял. Сказал только: «А вот, если желает Федор Поликарпович внести лепту свою в дело победы российского оружия в годину военную, да и изобретениям новым помочь, чтоб солдатиков раненых и увечных врачевать способнее было», то от помощи институту не откажется. И пригласил его в попечительский совет. Но, господа, пока все, мы прибыли...

Автомобиль затормозил возле хорошо известной всем жителям Первопрестольной резиденции главноначальствующего над Москвой князя Юсупова, графа Сумарокова-Эльстона. На входе стояло несколько городских, которые сверяли прибывающих со списком и лишь изредка просили предъявить приглашение. Во избежание возможных недоразумений там же присутствовал один из адъютантов князя. При виде ротмистра стражи порядка вытянулись во фрунт, так что докторам не пришлось даже представляться.

В белом бальном зале были установлены ряды мягких стульев. На них, невольно дистанцируясь от прочих гостей, разместилась весьма живописная группа награждаемых, которую так и хотелось назвать «могучей кучкой». Игумен, пара-тройка представителей московского дворянства из старых фамилий, несколько промышленников, медики. На хорах чуть слышно опробовал свои инструменты небольшой оркестр, ибо по сценарию торжественного вечера помимо награждения был назначен благотворительный аукцион и концерт, все доходы от которых планировалось разделить между московскими госпиталями. Под колоннадой громадой волнолома возвышался длинный дубовый стол, прикрытый бархатной скатертью. Среди непрременных стеклянных сифонов с сельтерской водой и хрустальных стаканов для президиума был приготовлен и аукционный молоток.

В первом ряду, возле прохода выделялся могучей статью и бородой в стиле Александра III мужчина весьма почтенных лет. На его несколько старомодном сюртуке полностью отсутствовали золотые побрякушки, которыми, чего греха таить, любили украшать свой костюм некоторые представители преуспевающего купечества, и сразу бросалась в глаза медаль на Андреевской ленте.

— А вот и сам господин Сычов... — тихонько шепнул докторам ротмистр.

Но дальнейший разговор прервали распахнувшиеся двери и зычный голос мажордома, объявившего присутствующим:

— Верховный начальник санитарной и эвакуационной части всех фронтов, генерал от инфантерии, его высочество принц Александр Петрович Ольденбургский... Главноначальствующий над Москвой, генерал-лейтенант, его сиятельство князь Феликс Феликсович Юсупов граф Сумароков-Эльстон... Его высокопревосходительство товарищ главноуправляющего собственной её императорского величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии, действительный тайный советник, академик Иван Петрович Павлов.

Оба вошедших генерала по случаю военного времени были одеты в походные мундиры. Однако перепутать их было просто невозможно. Принц превосходил князя не только летами и званиями, но и ратными делами. Об этом красноречиво говорили знаки орденов Святого Георгия 4-й степени и Святого Владимира 2-й степени с мечами, полученные им еще в прошлом веке за подвиги в Русско-турецкой войне. Невзирая на преклонные лета (семидесятилетний юбилей был отпразднован год назад), Александр Петрович отличался отменной выправкой, а его знаменитые усы были лихо, по гвардейской моде, закручены вверх.

Иван Петрович Павлов был известен своим принципиальным неприятием роскоши и нелюбовью к золотым пуговицам и лацканам, белым штанам и треугольным шляпам, а посему даже на этой церемонии был не в вицмундире, а во фраке. Больше впечатления производили прямые гладкие волосы, высокий лоб мыслителя и седая борода, аккуратно расчёсанная на обе стороны. А вместо орденов, коих у него было немало, поблескивал серебром и белой эмалью нагрудный знак Российского общества Красного креста под покровительством императрицы Марии Федоровны. В ученых кругах некогда ходил анекдот о том, что получив орден Станислава, академик отдал его своим маленьким сыновьям в качестве игрушки, что дало основание чиновникам от науки обвинять его в фразировании общественного мнения.

Вслед за ними в зал проследовали несколько корреспондентов столичных и иностранных газет, фотографы, оператор с кинокамерой, а также представители богемы, которые искренне считали свое присутствие на подобных мероприятиях целью всей своей жизни.

Официальную часть открыл принц Ольденбургский. Первые слова его приветственной речи были привычны для подобных мероприятий. Фраза о том, что: «Он счастлив, видеть столь достойных сыновей отечества, в славных делах которых возрождается подвижничество Кузьмы Минина...» была традиционной, а потому и предсказуемой. Корреспонденты газет лишь имитировали записи в своих блокнотах, как вдруг его высочество, мельком взглянув на Павлова, произнес следующее:

— Господа, вручая вам награды от имени государя и Отечества, я горд тем, что на вашей груди воссияют ордена и медали Российской империи, и, как старый солдат, я полностью разделяю вот эти слова поэта: «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд...» Спасибо вам, за деяния ваши, люди русские!

И после этих слов Александр Петрович, выйдя из-за стола, отвесил новоиспеченным кавалерам низкий поклон.

После секундной паузы зал взорвался аплодисментами. Карандаши репортеров забегали

подобно ткацкому челноку, с некоторым опозданием захлопали поршни магниевых вспышек, щедро обдав стоящих рядом белым пеплом. И лишь кинооператор, дисциплинированно начавший крутить ручку камеры с первыми же словами принца, успел запечатлеть абсолютно весь эпизод, ставший на протяжении нескольких следующих недель самой популярной кинохроникой, а отдельные кадры, зафиксировавшие поклон принца, весьма выгодно продал газетчикам.

Далее процесс награждения продолжился по отработанному ритуалу, тем более, что присвоение чинов и награждение орденами в Российской империи основывались на четкой неархаической системе. И лишь объявление о том, что купец первой гильдии Федор Поликарпович Сычов награждается орденом Святой Анны третьей степени с присвоением чина шестого класса по ведомству учреждений императрицы Марии вызвало недоуменное перешептывание одних и завистливые взгляды других присутствующих.

После окончания церемонии был объявлен короткий перерыв, после которого должны были начаться благотворительный аукцион и концерт. Воспользовавшись паузой, принц Ольденбургский, перенаправив всю энергию газетчиков на хозяина дома князя Юсупова, подошел к Павлову:

— А вы были правы, Иван Петрович, рекомендуя именно такой сценарий речи. Четко, кратко и по существу. Я бы даже сказал: по-суворовски. Только вот что, милейший профессор, я вынужден поставить перед вами ультиматум: или вы называете имя этого таинственного пиита, или же признаете своё авторство. Признайтесь, Иван Петрович, что служите двум музам одновременно. Этакий слуга двух господ. Как это вы изволили сами называть: физик и лирик? Хе-хе-хе...

Павлов присоединился к смеху и, лукаво улыбаясь, ответил:

— Александр Петрович, позвольте сохранить анонимность автора. Как честный человек, скажу только одно — у меня просто очень хорошая память.

— Иван Петрович, у нас немного времени. — Отсмеявшись, принц перешел на серьезный тон:

— Давайте поступим так: еще раз вместе поблагодарим Федора Поликарповича за его более чем щедрый вклад в дело развития нашего института экспериментальной медицины, а точнее, — создания его особого Московского филиала. А после, не считите за труд, представьте мне рекомендованных вами врачей и начальника службы безопасности.

Принц и академик, раскланиваясь на ходу со знакомыми лицами и лавируя в толпе, подобно двум кораблям, проходящим через замерзший фарватер, направились к Сычову. На то, чтобы преодолеть каких-то полтора десятка метров, пришлось затратить не меньше пяти минут. Его высочество, издавна славившийся галантным кавалером, как истинный русский офицер, не мог себе позволить пройти мимо прекрасных дам, или юных дев, не звякнув шпорами, не сказав пару-тройку тонких комплиментов и не приложившись с поцелуем к очаровательным ручкам.

Но необходимо отметить, что и его высокопревосходительство действительный тайный советник и нобелевский лауреат оказался далеко не схожим с сухарем или книжным червем и в галантности не уступал старому гвардейцу, что не осталось незамеченным. Вырвавшись на оперативный простор, принц Ольденбургский весьма одобрительно, но с оттенком удивления отметил:

— Иван Петрович, мы с вами знакомы, дай бог памяти, почти четверть века. Но должен заявить, что в последние месяцы вас просто-таки не узнать — молодеете на глазах. Я знаю

— не курите, да и спиртного не принимаете, к физическому труду привычны, в городки, говорят, чемпиона среди студентов разгромили, но тут поневоле тянет «Фауста» перечитать.

— Никакой мистики, Александр Петрович, а один лишь материализм и научный подход. Хотя и душевный настрой много значит:

Ничего, что виски побелели,
Но глаза тем же светом горят.
Никогда, никогда не стареет
Тот, кто смолоду сердцем богат.

А ведь эти слова прямо-таки о вас и написаны, Александр Петрович. За вами, когда вы на фронт выезжаете или в тылу с чинушами нашими сражаетесь, иным поручикам не угнаться. И неизвестно, где труднее приходится — под германскими снарядами, для коих красный крест ничего не значит, или с местными ура-патриотами, от которых любой подлости ожидать можно. Дай им только волю, так за мощну свою и Веру и Царя и Отечество оптом продадут иль заложат. Вот Суворова вы сегодня упомянули, а Александр Васильевич говаривал: «Я был ранен десять раз: пять раз на войне, пять раз при дворе. Все последние раны — смертельные». Но разговор сей, Александр Петрович, позвольте считать отложенным до времени. Да и место стоит удачнее выбрать — или в вашем вагоне, казачков перед этим кордоном выставив, или у меня под Москвою.

На этом собеседники прекратили диалог и достигли, наконец, цели своего «вояжа». Федор Поликарпович между тем находился в плотном окружении, состоящем из «акул пера» и своих же московских коллег по цеху. И если первых интересовала любая, но желательно пикантная информация о причинах столь неожиданного высочайшего внимания, то вторые пытались, воспользовавшись новым знакомством, сделать хороший гешефт.

Ставший совершенно неожиданно для себя «высокоблагородием», Сычов, тем не менее, не потерял природной смекалки. Благодаря преимуществу в росте, он первым увидел подошедших принца Ольденбургского и Павлова и совершенно неожиданно для окружающих поклонился со словами: «Ваше высочество...» Принц, которого позабавила растерянность на лицах, тем не менее, пресек любые попытки интервью. Ответив вежливым кивком, он произнес:

— Господа, я сожалею, что мне придется лишить господина Сычова удовольствия общения со столь приятным обществом, но война диктует свои законы. Федор Поликарпович, я еще раз благодарю вас за щедрую и бескорыстную помощь российской науке. Прошу вас не оставлять вниманием заседания нашего попечительского совета.

— Непременно, ваше высочество, — отвечивал купец. — Но зная, что ваш поезд опять отправляется за ранеными на передовую, взял на себя смелость приготовить небольшую посылочку для солдатиков наших. Дары лесов сибирских: орешки кедровые, масло, живица. Любую рану излечить поможет. Позвольте передать?

— Ну, что ж, Федор Поликарпович, захвачу с удовольствием. Вот только попросим нашего гостеприимного хозяина посыльного выделить и вашу передачу в мой автомобиль загрузить.

— Не взыщите, ваше высочество, но дело сие и самому Ивану Поддубному не под силу будет. Да и авто у вас, чай, не грузовое? В посылочке той орешков пудов сто будет, маслица

столько же, да и живицы толику малую — тысячу фунтов. А к ней примите сей фолиант. В нем рецепты собраны да советы лекарей наших, русских, исконных!

— Федор Поликарпович, а вы не перестаете нас удивлять и радовать. С благодарностью принимаю дары ваши, а, с добром врученные, они вдвойне силу целительную получают. А книгу вашу прикажу сегодня же скопировать и передам список с неё лично в руки академика Павлова. А что, Иван Петрович, найдется чему поучиться медикам нашим, особенно с дипломами заморскими, у Руси-матушки?

— Не сомневаюсь в том, ваше высочество. Народ наш талантами веками славится. Травники русские еще князей первых киевских от недугов спасали. Да недаром же в народе поговорка ходит: «Чай, не химия какая, чай, природные дары!»

— Не стоит затрудняться по поводу списка, ваше высочество, — почтительно, но с улыбкой добавил Сычов и, желая, видимо, сразить аудиторию наповал, протянул Павлову еще один экземпляр книги.

Отдав необходимые распоряжения по срочной доставке «даров земли сибирской» на вокзал, принц вместе с Павловым, нигде более не задерживаясь, направились к выходу из зала. Внимательно наблюдающий за всеми перемещениями принца Ольденбургского ротмистр, явно действуя по некой инструкции, шепнул Бартонду и Михаилу Николаевичу:

— Господа, нам пора, прошу следовать за мной, его высочество не любит долго ждать.

Уже на улице к ним подошел адъютант принца Ольденбургского, вежливо поприветствовал докторов, а Петру Всеславовичу передал на словах следующее:

— Его высочество назначил аудиенцию в личном поезде. Охрана предупреждена, вас пропустят безотлагательно. — И добавил уже от себя: — Господа, рекомендую поторопиться.

Ротмистр с докторами немедленно загрузились в автомобиль, и гонка началась. Конечная цель путешествия находилась на железнодорожной ветке у распределительного госпиталя, который разместился на территории Казенного винного склада № 1. Сей «храм» поклонников Бахуса был закрыт еще 31 октября 1914 года в связи с введением в стране сухого закона вплоть до окончания военных действий. Однако, как отметил еще великий Салтыков-Щедрин: «Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения». А посему этому заведению позволялось производить спирт для нужд армии и учреждений народного здоровья, отпускать вино иностранным гражданам и дипломатическому корпусу, выполнять заказы на поставку спирта союзнической Франции. Внесли свою лепту и фармацевты. Часть производственных мощностей была переориентирована на выпуск лекарственных средств на спиртовой основе. Дабы скоротать дорогу, ротмистр рассказал парочку смешных историй о том, какие причины находили начальники санитарных поездов, дабы постоянно прибывать или отправляться именно с этой железнодорожной ветки.

Благодаря предусмотрительным строителям склада, подъездные пути позволили автомобилю остановиться недалеко от состава. Шла обычная кутерьма, говорившая о скором отправлении состава. Осмотрщики с обеих сторон проверяли вагоны, простукивая молотками буксы и колесные пары, возле неспешно пыхтящего локомотива старательно изображала лихорадочную деятельность паровозная бригада под бдительным присмотром коменданта поезда.

По перрону, опустив голову, задумчиво прогуливался Павлов. Чувствовалось, что им овладела полностью какая-то мысль, и только лишь когда он вторично прошел мимо ротмистра, выполнявшего для докторов роль проводника, тот был вынужден кашлянуть, дабы вернуть академика в реальный мир. Павлов прореагировал несколько неожиданно:

— Рад видеть вас, уважаемые коллеги. Петр Всеславович, у нас есть еще пара минут до представления принцу, и я хотел бы оговорить с вами одну сумасшедшую идею по прикрытию истинных направлений исследований нашего института.

— И что вы предлагаете на этот раз? — заинтересовано спросил ротмистр. За несколько месяцев работы с Иваном Петровичем он уже несколько раз имел возможность убедиться в оригинальности и, самое главное, в полезности предложений ученого. Тем более именно в тех, которые академик высказывал после таких глубоких раздумий, когда со стороны казалось, что он ведет неслышный, но от этого не менее оживленный, мысленный диалог с собой. Петр Всеславович, как и многие его современники, с глубочайшим уважением относился к академическим знаниям, широте кругозора, умению говорить с людьми и получать при этом нужную информацию. В конце концов, медаль нобелевского лауреата — это высочайшая оценка заслуг любого ученого.

Хотя, черт возьми, он до сих пор не мог понять, откуда ему известно много такого, чему не учат в Кембридже, Оксфорде, да, пожалуй, и в Александровской военно-юридической академии. Много такого, чего не знает и он сам, ротмистр Отдельного корпуса жандармов, давно употребивший, на сей ниве необходимый пуд соли. Иной раз появляется крамольная мысль о переселении душ или реинкарнации господина Эдмона Дантеса, если таковой существовал в действительности. Все эти соображения мгновенно пронеслись в голове опытного жандарма, не оставив никаких следов душевных терзаний на лице, на котором можно было увидеть только выражение, причем искреннее, внимания к собеседнику.

— Я хочу с вами обсудить концепцию легенды, которой мы прикроем истинную программу и задачи работы московского, а точнее подмосковного филиала Императорского института экспериментальной медицины. Я понимаю, уважаемые Михаил Николаевич и Николай Петрович, что пока вы не посвящены во все подробности, но обещаю, что мы с Петром Всеславовичем устроим все недоразумения и дадим, насколько это будет возможно, ответы на все вопросы. А идею, пусть и невольно, мне подал наш щедрый меценат и попечитель, господин Сычов, точнее его «небольшая», но весьма увесистая посылочка с кедровыми орехами, маслом и прочим. Для медицины и фармакологии — это бесценное сырье, тем более, если оно пройдет необходимую обработку электромагнитными генераторами профессора Ижевского. Но вот, растет кедр далековато от нашего нового альма матер. Зато сосновых лесов в изобилии. Позвольте процитировать несколько строчек из книги, подаренной Федором Поликарповичем его высочеству и вашему покорному слуге: «Замечены в природе случаи, когда кедр расселялся самопрививками на сосне. Сосны, которые имеют кедровые вершины или сучки, встречаются довольно часто. Оказалось, что если ветер заносит кедровый орешек на место обломленных ветвей сосны, то орешек может прорасти, и ткани молодого кедра и сосны, сросшись, образуют одно целое. Такой кедр хорошо плодоносит, и его орешки ни в чем не уступают орешкам обычных кедров... Ученые, и лесоводы разработали способы прививки кедра на сосне. Первые удачные прививки были проведены в конце XIX века в Тростянецком парке в Малороссии, который был владением Ивана Михайловича Скоропадского. И по данным, коими располагает Академия наук, кедровые ореховые сосны прекрасно растут и плодоносят, при этом деревья с корнями сосны и кроной кедра отличаются быстрым ростом, большой устойчивостью к неблагоприятным условиям, ранним вступлением в пору плодоношения». Кстати, что интересно, внук Ивана Михайловича сейчас в чести и в чинах — командует пятой кавалерийской дивизией, генерал-майор свиты его величества. О нем, учитывая статус его предков, да и его самого,

нам с вами, любезный Петр Всеславович, стоит побеседовать поподробнее, когда дела срочные чуть разгребем.

Так вот, в газетах, в том числе и бульварных, должны появиться пространные публикации о том, что академик Павлов задумал на соснах кедровые орехи, а то и ананасы вырастить. И на деньги сибирского купца плантацию под Москвой отгрохал. А что? Деньги, чай, не казенные, ревизоры не пожалуют. И лучами своими колдовскими сосны да ели обрабатывает, яко марсианин из романа Уэллса. Дабы электричества хватило, так цельная станция рядом стоит на болотах торфяных. А так как одного сумасшедшего академика для этого маловато будет, так еще чудака-плодовода из града Козлова выписали. Есть там у меня один тезка — Мичурин Иван, правда, Владимирович. Человек скандальный, неуживчивый, но — таланта необыкновенного. Чувствую, чтобы его заполучить, личное приглашение его высочества потребуется, а может, и ваши коллеги поспособствуют.

Во время этого монолога, Павлов несколько раз смотрел на часы. Причем он, что было еще одной причиной сплетен, не так давно решительно отказался от традиционного карманного варианта, и его правое запястье украшали Cartier модели 1904 года, получившие известность благодаря полетам Сантос-Дюмона. В последний раз взглянув на циферблат, академик скомандовал:

— Ну-с, господа, пора, прошу вас, заходите в вагон.

Принц в ожидании посетителей продолжал работать. Его письменный стол был завален бумагами, за спиной размещалась карта фронтовой зоны с нанесенными маршрутами движения санитарных поездов, а справа, на стенке — три небольших портрета российских императоров, коим присягал принц Ольденбургский: Николая II и его августейших папа и деда.

Купе, равное по площади двум стандартным, позволяло вместить и большее число людей. Михаил Николаевич и Николай Петрович, после представления принцу воспользовавшись приглашением гостеприимного хозяина, заняли места на диванчике напротив стола, а Павлов и Петр Всеславович воспользовались креслами. Александр Петрович, выдержав короткую паузу и дав возможность освоиться с новой обстановкой, обратился к присутствующим:

— Господа, я пригласил вас для того, чтобы, простите за невольный каламбур, познакомиться поближе и ознакомить с новым назначением. Предвижу вопрос от господ докторов о причинах столь резкого изменения их служебной карьеры, но отвечу только одно — война диктует свои правила. Кроме того, прочитав в газетах описание блистательной речи, с которой вы, Михаил Николаевич, выступили на Пироговском съезде, я понял, что не услышу отказа. Уверен, что и Николай Петрович придерживается таких же взглядов на долг врача и патриота, не так ли?.. Через четверть часа я убываю на передовую. Вот здесь, — с этими словами, Александр Петрович, достал из небольшого сейфа опечатанную кожаную папку и передал её Павлову, — находятся основные учредительные документы по институту, а также банковские реквизиты, позволяющие вам, Иван Петрович, как директору, снимать необходимые суммы со счетов. Помимо этого, договор, подписанный правлением «Общества электрического освещения 1886 года» и общества «Электропередача» об особом статусе НИИ и бесперебойном снабжении его электроэнергией. Зная неповоротливость нашего чиновничества и прочего крапивного семени и стремление подвести все под соответствующий параграф и памятуя наш с вами, Иван Петрович, разговор, примите вот эту, с позволения сказать индульгенцию, воспользуетесь при необходимости, а по памяти

процитирую только одну фразу: «Любые действия по линии военно-медицинской службы, предпринятые академиком и действительным тайным советником Павловым, предприняты с моего ведома и одобрены. Верховный начальник санитарной и эвакуационной части, генерал от инфантерии и генерал-адъютант свиты его императорского величества принц Ольденбургский».

[Купить полную версию книги](#)